

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4 (16).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (16), 2021.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83+83.3(2=411.2)+86.2

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-130-175>

© 2021. Ольга Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Поэтика и текстология романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1920–1940-х гг.

© 2021. Olga A. Bogdanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Poetics and Textual Analysis of Dostoevsky's Novel *The Adolescent* in the Studies of Russian Authors of the 1920s-1940s

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел русской литературы конца XIX – начала XX в., Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Аннотация: В 1920–1940-е годы поэтика становится основным аспектом изучения романа Ф.М. Достоевского «Подросток» и в СССР, и в русской эмиграции. Особое значение приобретает работа над рукописным корпусом произведения. В обзоре рассмотрены публикации сохранившихся рукописей и основные исследования, посвященные их анализу. Этапы изучения поэтики и текстологии «Подростка» прослежены в хронологическом порядке.

Обзор состоит из трех разделов: исследования по поэтике и текстологии «Подростка» в СССР 1920-х годов (Л.П. Гроссман, Н.П. Анциферов, Р.В. Иванов-Разумник, В.Л. Комарович, М.Г. Давидович, Б.М. Энгельгардт, С.А. Аскольдов, С.Н. Дурылин, М.М. Бахтин); русская эмиграция о поэтике «Подростка» в 1920–1940-е годы (И.И. Лапшин, Р.В. Плетнев, А.Л. Бем, П.М. Бицилли, К.В. Мочульский); исследования по поэтике «Подростка» в СССР в 1930-1940-е годы (Г.И. Чулков, А.С. Долинин). Освещены главные вопросы, занимавшие советских и эмигрантских ученых 1920–1940-х годы: идейно-художественная преемственность романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» как этапов развития замысла «Жития великого грешника»; творческий метод Достоевского в романе «Подросток»; творческая история и тип романа; сюжетно-композиционные особенности и нарративные

стратегии; мотивы и символы; типология и характерология персонажей, в том числе грибоедовско-пушкинские реминисценции, художественная полемика с Л.Н. Толстым и «двойничество»; прототипы персонажей; речевой стиль.

Вершиной изучения «Подростка» в первой половине XX века признана глава об этом романе в книге ученого-эмигранта К.В. Мочульского «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947), впитавшая практически весь исследовательский дискурс по обе стороны границы СССР и давшая целостное представление о его проблематике и поэтике. При этом она свободна от следов идеологического принуждения, которое испытывали в 1930–1940-е годы советские ученые.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Подросток», первая половина XX века, советская наука, русская эмиграция, рукописный корпус, текстология, поэтика.

Для цитирования: Богданова О.А. Поэтика и текстология романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1920–1940-х гг. // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4(16). С. 130–175. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-130-175>

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Department of Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Abstract: In the 1920s–1940s poetics became the main aspect of the study of *The Adolescent* both in the USSR and in Russian emigration. Of particular importance is the work on the handwritten corpus of the novel. The review examines the publications of the surviving manuscripts and the main studies devoted to their analysis. The stages of poetics studies and textual criticism on *The Adolescent* are traced in chronological order. The review consists of three sections: studies on the poetics and textual studies of *The Adolescent* in 1920s USSR (L.P. Grossman, N.P. Antsiferov, R.V. Ivanov-Razumnik, V.L. Komarovich, M.G. Davidovich, B.M. Engelgardt, S.A. Askoldov, S.N. Durylin, M.M. Bakhtin); Russian emigration about the poetics of *The Adolescent* in 1920s–1940s (I.I. Lapshin, R.V. Pletnev, A.L. Bem, P.M. Bicilli, K.V. Mochulsky); studies on the poetics of *The Adolescent* in 1930s–1940s USSR (G.I. Chulkov, A.S. Dolinin). The main issues that occupied Soviet and emigrant scholars of the 1920s and 1940s are highlighted: the ideological and artistic continuity of the novels *The Devils*, *The Adolescent*, and *The Brothers Karamazov* as the development of the idea of the plan for *The Life of a Great Sinner*; Dostoevsky's creative method in the novel *The Adolescent*; the creative history and type of the novel; plot-compositional features and narrative strategies; motives and symbols; typology and characterology of heroes, including reminiscences from Griboedov and Pushkin, artistic polemics with L.N. Tolstoy and “duality”; prototypes of characters; speech style. The chapter on the novel in the book *Dostoevsky. Life and Works* by the emigrant scholar K.V. Mochulsky (1947) is recognized as the pinnacle of the study of *The Adolescent* in the first half of the 20th century, as it absorbed practically the entire research discourse on both sides of the USSR border and gave a complete picture of its problems and poetics. At the same time, the book is free from the traces of ideological coercion that Soviet scholars experienced in the 1930s and 1940s.

Keywords: Dostoevsky, *The Adolescent*, first half of the 21st century, Soviet academy, Russian emigration, manuscript corpus, textual criticism, poetics.

For citation: Bogdanova, O.A. “Poetics and Textual Analysis of Dostoevsky's Novel *The Adolescent* in the Studies of Russian Authors of the 1920s–1940s”. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (16), 2021, pp. 130–175. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-130-175>

Как уже говорилось в первой части нашего обзора¹, собственно научное литературоведческое осмысление «Подростка» началось и в СССР, и в русской эмиграции в 1920-е годы и было тесно связано с изучением поэтики этого романа, а также с работой над его рукописным корпусом. Еще до революции он был частично доступен исследователям по договоренности с А.Г. Достоевской, хранившей автографы писателя в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» в здании Московского исторического музея. В конце 1910-х годов с ними работали Л.П. Гроссман и В.Л. Комарович. Плодом их деятельности стали следующие публикации: «Из “Подростка”: о Льве Толстом» [Гроссман, 1919, с. 83–85]; «Эпизод из “Подростка”» (неизданный отрывок из части II, главы IX — об Арише. — О. Б.). Отрывки из разных рукописей (в том числе из «Подростка» — из речи Версилова о невозможности любить людей. — О. Б.) [Творчество, 1921, с. С. 20–24, 27]; «Рукописные варианты романа “Подросток”» [Комарович, 1922а, с. 217–230] («всего 3 крупных фрагмента и 6 мелких, среди которых рукописные варианты “Исповеди” Версилова и диалога Аркадия с Ахмаковой (в 6 главе III части), самостоятельный эпизод романа о девочке в снегу, программа 1-й и 2-й глав II части, черновой набросок разговора Версилова и Подростка в 1-й главе II части, вариант первого диалога Подростка и Ахмаковой в 4-й главе II части, короткая программная запись в конце 4-й главы II части, слова Подростка “маме” о Христе в 5-й главе II части (“больше и содержательнее печатного текста”), сцена свидания Версилова и Ахмаковой (10-я глава III части)») [Комарович, 1922а, с. 217].

Кроме того, рукописи «Подростка» находились в архиве Пушкинского Дома в Петрограде-Ленинграде, в 1920-е годы с ними работал Комарович, подготовивший их публикацию под общим названием “Handschrifte, Aufzeichnungen, Varianten und Briefe zu den Roman ‘Der Jungling’” [«Рукописные материалы, варианты и переписка о романе “Подросток”» (нем.)] в томе “Der unbekannte Dostojewski” [«Неизвестный Достоевский» (нем.)] (1926) в составе серии «Наследие Достоевского», вышедшей в переводе на немецкий язык в Мюнхене в 1925–1931 годах. Заглавия напечатанных в книге “Der unbekannte Dostojewski” статей и материалов Комаровича, имеющих отношение к «Подростку», в обратном переводе на русский язык звучат так: «Реконструкция наброска Достоевского к роману “Житие

¹ См.: [Богданова, 2021].

великого грешника”» (с. 75–105), «Рукописные материалы к роману “Подросток”» (с. 447–497), «Рукописные варианты “Исповеди” Версилова», «Самостоятельный эпизод из романа “Подросток”», «Рукописные варианты диалогов Подростка с Ахмаковой», «Более мелкие варианты в рукописи “Подростка”» (с. 498–519), «Переписка о “Подростке”» (с. 519–536). Опубликованные здесь Комаровичем рукописи «Подростка» — из собраний Пушкинского Дома и Московского исторического музея. «Переписка о “Подростке”» — подборка фрагментов писем Ф.М. Достоевского 1874–1875 годов к А.Г. Достоевской и Н.А. Некрасову и этих лиц — к Достоевскому, содержащих сведения о замысле романа и ходе работы над ним, см.: [Handschrifte, 1926, S. 445–536].

Именно на эти рукописные материалы опирались большинство советских и эмигрантских исследователей поэтики и творческой истории «Подростка» в 1920–1940-е годы, в том числе Комарович, Гроссман, участники Пражского семинария по Достоевскому (А.Л. Бем, Р.В. Плетнев, И.И. Лапшин), К.В. Мочульский.

Неопубликованная в первой половине XX века часть рукописей предпоследнего романа Достоевского — три объемных черновых тетради 1874–1875 годов с записями, отражающими поиск сюжета, характеров, разработку идеи и плана романа, формы его повествования и отдельных мотивов, — с конца 1921 года хранилась в Централархиве (с 1930-х годов — в ГАФКЭ и затем в ЦГАЛИ²), см.: [Документы, 1922, с. III, VI; Описание, 1957, с. 102–103]. Помимо уже напечатанных автографов, этими тетрадями активно пользовались в своих работах о творческой истории «Подростка», публикуя и комментируя фрагменты их содержания, Г.И. Чулков в книге «Как работал Достоевский» (1939), и — в особенности — А.С. Долинин в книге «В творческой лаборатории Достоевского (История создания романа “Подросток”)» (1947)³. Именно Долинину удалось полностью обнаружить эти черновые тетради в 1965 году, см.: [Литературное наследство, 1965]. В 1937 году небольшой фрагмент одной из них — запись от июня-июля 1874 года, содержащую список книг на французском языке, которые Достоевский хотел бы прочитать в Эмской

² ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, с 1941 года ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов); ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, с 1992 года РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).

³ Эта работа была переиздана с дополнениями в составе книги: [Долинин, 1963]. Часть «История создания романа “Подросток”» напечатана на с. 5–214.

библиотеке во время лечения в Германии, — опубликовал Гроссман, см.: [Литературное наследство, 1937, с. LXXVII]. Кроме того, в 1940-е годы с содержанием указанных тетрадей по книге Чулкова частично познакомился ученый-эмигрант Мочульский.

Среди рукописей, с которыми работали исследователи «Подростка» в 1920–1940-е годы, также необходимо назвать план неосуществленного романа Достоевского «Житие великого грешника», из которого во многом выросли три последних произведения писателя, в первую очередь «Подросток». Впервые «Житие...» было опубликовано Гроссманом в упомянутой книге «Творчество Достоевского. 1821–1881–1921» [См.: Творчество, 1921, с. 7–11]. Затем появилось в сопровождении статьи Н.Л. Бродского «Угасший замысел» в одном из выпусков Центрархива, см.: [Бродский, 1922]. Кроме того, в реконструированном виде оно было представлено в статье Комаровича «Ненаписанная поэма Достоевского», см.: [Комарович, 1922б].

В 1927 году в составе Полного собрания художественных произведений Достоевского в 13 томах под редакцией Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева впервые вышел в свет критически проверенный по рукописям и прижизненным изданиям текст «Подростка», см.: [Достоевский, 1926–1930, т. 8], сопровождаемый научным комментарием. Отныне (вплоть до конца 1950-х годов, времени выхода 10-томника Достоевского), см.: [Достоевский, 1957] большинство исследователей романа опирались именно на это издание.

В отличие от других произведений писателя, «Подросток» обладал наиболее полным и хорошо сохранившимся рукописным корпусом, благодаря чему стал благодатным материалом для исследования особенностей творческого процесса Достоевского. Именно к его изучению был впервые применен в достоевковедении 1920-х годов провозглашенный в 1923 году (на основе изучения творчества А.С. Грибоедова) телеогенетический метод, так называемый «новый путь литературной науки» [Пиксанов, 1923], впоследствии получивший название «творческой истории произведения». Однако семинаристам Пиксанова в Петроградском университете, в частности Комаровичу, его принципы стали, по-видимому, известны еще в 1910-е годы. Что же это за метод?

Сосредоточенный на изучении крупных художественных произведений, шедевров, телеогенетический метод утверждал, что они не могут быть «до конца и полностью поняты вне своей творческой истории», которая «начинается, когда возникает первый

[их] замысел, и кончается, когда поэт наложил последний штрих на [их] текст». «Все, что вторгается в творчество между возникшим замыслом и замыканием работ, имеет ближайшие права на включение в творческую историю»: «данные внешней биографии поэта», литературные влияния, общественные влияния, «житейские прототипы художественных образов» и др., см: [Пиксанов, 1923, с. 99, 102, 111–113]. Говоря о необходимости перехода от историко-культурного к «эстетическому, формальному» изучению литературы как «словесного искусства», Пиксанов писал: «<...> любой эстетический элемент, любая поэтическая форма <...> могут быть научно осознаны <...> только в полном изучении их зарождения, созревания и завершения», см.: [Пиксанов, 1923, с. 96, 99], которое становится возможным при сличении разновременных рукописных вариантов и имеющихся печатных редакций, т. е. в результате текстологического анализа. Также Пиксанов отмечал, что «через историю создания постигается завершительный смысл произведения, понимание творческой личности поэта» [Пиксанов, 1923, с. 105].

В широком смысле практически все изучение поэтики «Подростка» в СССР и эмиграции в 1920–1940-е годы, за единичными исключениями, проходило в рамках телегенетического метода, вобравшего в себя и рассмотрение литературных влияний, и установление прототипов персонажей, и динамику характеров в произведении, и своеобразие его сюжетно-композиционных особенностей, и анализ мотивов и символов, и эволюцию речевого стиля, и исследование духовно-психологического склада личности автора романа.

Прежде чем приступить к обзору научных текстов конкретных ученых, писавших в указанные десятилетия о поэтике романа «Подросток», укажем на условность разделения их списка на отечественную и эмигрантскую части по следующим причинам: во-первых, большинство из этих исследователей сформировались в одном научном контексте конца 1910 — начала 1920-х годов в России и, таким образом, имели сходные методологические и мировоззренческие предпосылки; во-вторых, до конца 1920-х годов советская и эмигрантская ветви науки о Достоевском были практически сообщающимися сосудами благодаря личным контактам (например, стажировке ученицы Комаровича Т.А. Крюковой в Карловом университете в Праге в 1925–1926 годах; переписке А.Л. Бема с А.С. Долининым; публикациям советских ученых: Гроссмана, Долинина, Комаровича и др. — в томах серии «Наследие Достоевского» в Мюнхене и т. п.),

см.: [Магидова, 2003; Богданова, 2015] и информационному обмену (обоюдной доступности книг и статей о Достоевском в Германии, Чехии, Франции, Болгарии и СССР; взаимному журнальному рецензированию достоевсковедческих публикаций), см., напр.: [Бережков, 1928]. Положение изменилось в 1930–1940-е годы. Однако в СССР в это время исследования о Достоевском практически сошли на нет, подробнее см.: [Богданова, 2019]; Пражская же школа, напротив, создала свои основные труды о писателе, опубликованные в трех сборниках «О Достоевском» в 1929, 1933 и 1936 годах. В послевоенные годы «железный занавес» опустился окончательно, но и исследования о «Подростке» с той и с другой его стороны в буквальном смысле слова единичны: в СССР — это книга Долинина, в эмиграции — Мочульского. Условия работы обоих ученых были неидеальны: если первый подвергался грубому идеологическому давлению в интерпретации творческой истории романа, то второй не имел прямого доступа к отечественным архивам с неопубликованными рукописями «Подростка».

Важно также отметить, что именно в 1920–1940-е годы, в отличие от предыдущего периода, впервые появляются научные работы, целиком посвященные «Подростку» (В.Л. Комаровича, И.И. Лапшина, А.Л. Бема, А.С. Долинина), а не рассматривающие этот роман среди других произведений Достоевского; и не случайно, что это статьи и книги о поэтике и творческой истории, обусловленные интересом к рукописному корпусу предпоследнего романа писателя.

а) Исследования по поэтике и текстологии «Подростка» в СССР 1920-х годах

Итак, приступим к рассмотрению работ 1920–1940-х годов по указанной тематике в хронологической последовательности. Открывает наш список концептуальное предисловие **Л.П. Гроссмана** «От редактора» к уже упомянутому сборнику статей и материалов «Творчество Достоевского. 1821–1881–1921» (1921) с публикацией рукописей плана «Жития великого грешника» и эпизода из «Подростка», а также напечатанная в том же сборнике статья Гроссмана «Рукописи Достоевского». В предисловии ученый намечает ближайшие задачи изучения Достоевского: установление «критически проверенного текста» его произведений, сбор «сведений о рукописях писателя», выявление «художественных форм» и «литературных приемов» Достоевского, «разработка различных проблем поэтики,

композиционных заданий и стиля его писаний» [Творчество, 1921, с. V, VI, X]. В статье о рукописях Достоевского дается краткая характеристика рукописного корпуса «Подростка»; новый эпизод из подготовительных материалов к этому роману (об Арише) трактуется как частичное возвращение к когда-то оставленному перед написанием «Преступления и наказания» замыслу «Пьяньские» [Творчество, 1921, с. 6].

В книге «Семинарий по Достоевскому» (1922) в части IV «Заметки о языке Достоевского» Гроссман неоднократно обращается к «Подростку», при этом, в нарушение религиозно-философской традиции Мережковского-Бердяева, произведения писателя 1840–1870-х годов анализируются им как единый текст. По Гроссману, «язык <...> Достоевского, который часто обвиняли у нас в монотонности и неотделанности, подвергался тщательной подготовительной разработке, а судя по рукописям писателя, и позднейшей строгой отделке. Стилистика Достоевского, сложная, своеобразная и богатая, еще ждет обстоятельных монографических исследований» [Гроссман, 1922, с. 72–73]. А пока примеры неологизмов, сравнений, эпитетов, народного языка и «общих приемов выразительности», помимо других произведений, обильно приводятся из текста «Подростка»: это и словесный портрет Версилова, и ёмкий лаконизм слов о быстро увядающей, уходящей в «тех, кого любят», красоте русских женщин, и меткие народные выражения в речи персонажей, и мн. др.

В известных работах **Н.П. Анциферова** «Душа Петербурга» (1922) и «Петербург Достоевского» (1923) также находим немало обращений к «Подростку». Исследуя литературную «личность» города посредством своего локально-исторического метода, Анциферов сопоставляет петербургскую образность «Подростка» с эмпирическими впечатлениями от реальной невской столицы России. По мысли ученого, через «физиологию города» «взоры» Достоевского проникают в «*таинственные недра [его] души*». Так писатель «открывает <...> новую страницу в истории восприятия Петербурга», о чем, в частности, свидетельствует признание Версилова: «я люблю иногда <...> от ужасной душевной скуки <...> заходить в разные <...> клоаки. Эта <...> заикающаяся ария из Лючии, эти половые в русских до неприличия костюмах, этот табачище, эти крики из биллиардной — все это до того пошло и прозаично, что граничит почти с фантастическим». Так Достоевский «начинает прозревать за этой отталкивающей оболочкой “миры иные”»: «*ночи[ую] сторон[у] души*

города», «подполье души человека, *подполье города*», «*ковчег нашего личного былого*» (те «счастливые места», которые Подросток любил посещать, чтобы «погрустить и припомнить»), см.: [Анциферов, 1991, с. 114, 116, 164]. Кроме того, Анциферов соотносит реальные пейзажи Петербурга с адресами персонажей и событий романа «Подросток»: местами жительства «мамы» Аркадия, Татьяны Павловны, Васина, Крафта, маршрутами скитаний Подростка по городу, см.: [Анциферов, 1991, с. 194–198].

Также Достоевский, по Анциферову, изображает «мокруту», «мокрый снег» как одну из стихий Петербурга и возводит эту черту города к «Пиковой даме» А.С. Пушкина, прежде всего в «Подростке». При этом «фантастичность» здесь проявляется «не <...> в дуалистическом рассечении жизни на явь и сон, прозу и поэзию, быль и сказку», но в «неразличимости противоположных начал, в их нераздельной слитности», когда город «перестает быть самим собой и оборачивается неведомым ликом», «превращается в какой-то лунный ландшафт», становится «оборотнем». Такова в восприятии Подростка одна из вечерних петербургских улиц: «Совсем уже стемнело, <...> подымался скверный петербургский ветер <...> и взвевал кругом пыль и песок. Сколько угрюмых лиц простонародья, торопливо возвращавшегося в углы свои с работы и промыслов!», см.: [Анциферов, 1991, с. 209–215].

Р.В. Иванов-Разумник в книге «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (1923) также поместил Петербург «Подростка» в общую мифо-символическую парадигму с «Пиковой дамой» Пушкина, но вдобавок еще и с одноименной оперой П.И. Чайковского, поэмой «Возмездие» Блока и романом «Петербург» Белого: «Музыка Чайковского жутко вскрывает смысл пушкинского “анекдота”: смерть, тлен, небытие, кошмар, марево, сон — вот его основы. <...> А что Чайковский не искажил произвольно облик пушкинской “Пиковой дамы”, но лишь конгениально отразил его в своем творчестве, — этому лучший свидетель Достоевский. Ибо это он, почти за четверть века до Чайковского, <...> сказал словами и понятиями о “Пиковой даме” то самое, что Чайковский выразил в художественных звуках <...>».

“<...> Петербургское утро, казалось бы самое прозаическое на всем земном шаре — чуть ли не самое фантастическое в мире <...>. В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германа из *Пиковой дамы* (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из

петербургского периода!) — мне кажется, должна еще более укрепиться... А что как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его <...> бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне... <...>”.

Вот “Пиковая дама” Пушкина в конгениальном отражении Чайковского и понимании Достоевского. Надо ли <...> подчеркивать связь всего этого с первым “Петербургом” Андрея Белого, с “Возмездием” Александра Блока? <...> Другие слова, но те же понятия — ибо все та же здесь “категория льда”, сон, кошмар, майя, “nihil”, смерть, провал, все та же “ариманическая пелена” лежит над Петербургом “Пиковой дамы”, <...> Андрея Белого и <...> Александра Блока (и <...> над петербургскими повестями Гоголя и петербургскими романами Достоевского)», см.: [Иванов-Разумник, 1923, с. 165–166].

Особое место среди писавших о «Подростке» занимает **В.Л. Комарович**. Он первый в достоевковедении начал специальное изучение этого романа и полностью посвятил ему несколько текстологических и концептуально-исследовательских работ: «Рукописные варианты романа “Подросток”» (1922), «Генезис романа “Подросток”» (1925)⁴, «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство» (1924), см.: [Комарович, 2018, с. 153–191, 259–274]. Две последние по своему содержанию являются продолжением статьи «Ненаписанная поэма Достоевского» (1922), см.: [Комарович, 2018, с. 102–128], на что имеется указание самого автора в последней сноске к указанной статье. Исследуя в ней план «Жития великого грешника», Комарович увидел в «Подростке» наиболее яркую попытку воплощения неосуществленного в 1869–1870 годах эпического «житийного» замысла.

Впервые интерес Комаровича к этому роману зафиксирован в 1917 году, во время командировки из Петроградского университета в «Музей памяти Достоевского» в Москве. Молодого ученого привлекала, по-видимому, сравнительная малоисследованность «Подростка», прижизненной критикой писателя встреченного неприязненно, а в Серебряном веке удостоившегося лишь эпизодического внимания. Но главное — роман «Подросток», по сравнению с другими произведениями Достоевского, имел сохранившийся

⁴ Написана раньше, хоть и напечатана позже статьи «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство».

в наиболее полном виде рукописный корпус, что позволяло проследить все стадии творческой работы писателя.

Сам Комарович как исследователь Достоевского считал себя непосредственным продолжателем Вяч.И. Иванова, впервые осуществившего синтез дотоле независимых приемов историко-литературного исследования: религиозно-философского, биографического и формально-эстетического — в работе «Достоевский и роман-трагедия» (1911). Ивановская статья ответила синтетическим устремлениям Комаровича и вдохновила его на создание собственной методологии. Закономерно, что в исследованиях Комаровича телеогенетический метод становится основой пневматологического, придавая последнему научную конкретность и точность.

В статье «Ненаписанная поэма Достоевского» в едином тексте приводятся как разобранная на цитаты рукопись плана «Жития великого грешника» Достоевского, так и ее научная интерпретация, — т. е. представлена связная реконструкция намеченных Достоевским романов о «великом грешнике». В первой части статьи выдвинута и развернута авторская гипотеза о духовной конституции Достоевского как «экстатического», а не «созерцательного» художника, восходящая к статье Вяч.И. Иванова «Достоевский и роман-трагедия». По мысли Комаровича, духовная жизнь Достоевского определялась не эволюционным развитием и накоплением смыслов, но разрозненными мистическими прорывами в «миры иные» — «мгновенными озаряющими перерождениями», среди которых: «видение на Неве» 1840-х годов, эшафот 1849 года, начало эпилептических припадков и некое «озарение», произошедшее в июле—августе 1867 года в Дрездене. Оно-то и стало импульсом к замыслам «Атеизма», «Жития великого грешника» и к трем последним романам писателя. Особенно явственно осколки жизнеописания «великого грешника» обнаруживаются в судьбе юного героя «Подростка». По мысли Комаровича, сознательные цели Достоевского были заданы «идеологией» утопического гуманизма и заключались в постоянном стремлении найти секрет «мировой гармонии», практический рецепт «земного рая». Эпическая форма произведения — признак того созерцательного приятия жизни (а не катастрофического ее переживания), достижения которого так жаждал Достоевский. Но достичь никогда не мог по причине своего духовного «дионисизма». Так что неосуществленность замысла «Жития великого грешника» была заранее предрешена; то, что Достоевский всякий раз, ставя перед со-

бой задачу эпического характера, «сбивался» на «роман-трагедию», закономерно. Эпическая форма не соответствует духовной конституции Достоевского — вот причина, по которой «поэма» так никогда и не была написана. Итак, форма, по Комаровичу, непосредственное и наиболее искреннее выражение духовного строения художника. Симптоматично, что форма окончательного текста «Подростка» также не житийно-эпическая (Комарович здесь практически отождествляет эти понятия)⁵. Исследователь намечает новую задачу: проследить творческую эволюцию этого романа и тем самым привести новое доказательство органического характера последовательных неудач Достоевского в осуществлении эпического замысла.

В статье «Генезис романа “Подросток”» автора интересует прежде всего история трансформации первоначального замысла Достоевского. Для этого он исследует, путем текстологического анализа известных ему рукописей «Подростка»⁶, изменения в системе образов и сюжетном сложении произведения. На основе текстуальных сопоставлений Комарович доказывает, что характер Подростка тождествен с «великим грешником» юношеского периода. Таким образом, в генетической первооснове романа он видит новую попытку Достоевского осуществить эпический замысел 1869–1870-го годов. Однако в законченном произведении на первом плане оказывается история Версилова — Ахмаковой. Исследователь по рукописям прослеживает этапы вырастания нового замысла в ущерб раннему, «житийному», процесс замены одного главного героя другим. История Версилова и Ахмаковой постепенно изнутри разрушает первоначальную структуру. В законченном тексте «житийный» замысел предстает лишь в нескольких отрывках.

Воссоздание творческой истории «Подростка» позволило Комаровичу прийти к важным для понимания сюжетно-композиционных особенностей этого романа выводам, а также выявить

⁵ Полемизируя с его точкой зрения, Г.Б. Пономарева утверждает принципиальное различие жития и эпоса: житийный замысел Достоевского, по мнению исследовательницы, отнюдь не метафора, он непосредственно восходит к традиции древнерусской литературы, и признаки эпического и биографического времени, характерного для европейского и русского романа Нового времени, в частности для «Войны и мира» Л.Н. Толстого, в нем отсутствуют, см.: [Пономарева, 2016, 2018, с. 252].

⁶ В статьях 1920-х годов В.Л. Комарович строил свою концепцию, опираясь на рукописи «Подростка» из собраний Московского исторического музея и Пушкинского Дома. С черновыми тетрадями из собрания Центрархива он, по-видимому, не работал. В 1930–1940-е годы их анализировали в своих книгах Г.И. Чулков и А.С. Долинин. Частично с ними познакомился и К.В. Мочульский по книге Чулкова 1939 года.

ключевые принципы поэтики Достоевского-романиста в последней статье цикла — «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство». Исходя из целесообразности всех художественных элементов произведения для передачи определенного духовно-философского задания, он сделал следующие заключения. В своем творчестве Достоевский исследовал трагическое противоречие между двумя обособленными мирами: «мечтательством» и «живой жизнью». Это противоречие — содержание главного сюжетного мотива «Подростка», любви-ненависти Версилова и Ахмаковой, — писатель стремился распространить на все многообразие романа, как бы избличая его мировую сущность. Отсюда в «Подростке» пять самостоятельных сюжетов: Версилов — Ахмакова; Аркадий; старик князь — Анна Андреевна; князь Сережа — Лиза; самоубийца Оля и ее мать — при отсутствии общего, объединяющего. Достичь структурной цельности произведения Достоевскому удалось, считает Комарович, благодаря обращению к иному, несюжетному, не «прагматическому» принципу художественного единства. Для этого необходим выход за границы литературы в более широкую эстетическую сферу, взгляд на литературу как на один из видов искусства, в ряде черт родственной живописи, музыке, танцу с присущим им динамическим началом художественного единства. Так что пять прагматически не связанных между собою мотивов «Подростка» входят, тем не менее, в органическое соотношение друг с другом благодаря качественной однородности своей динамической структуры, отличаясь при этом друг от друга количественно, степенью напряженности. В этом смысле роман Достоевского может быть уподоблен, по мысли Комаровича, художественному целому в полифонической музыке, см.: [Комарович, 2018, с. 169–173].

Отметим, что здесь Комарович отчасти развивает мысли Иванова о музыкальном субстрате «романа-трагедии», в свою очередь подсказанные последнему известной работой Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», и в то же время учитывает суждения датского эстетика-неокантианца Б. Христиансена (подробнее см.: [Богданова, 2014]) о «телеологической динамике» музыкального произведения. Понятие «доминанта», воспринятое от Христиансена не только Комаровичем, но и М.М. Бахтиным, и русскими формалистами, взято первым из теории музыки и затем, через общеэстетическую почву, перенесено на явления других искусств, в том числе художественной литературы. Такое же происхождение имеет понятие «полифония»,

также, наряду с Ивановым⁷, подсказанное русским литературоведам еще в 1910-х годах Христиансенем⁸, — в его учении о сопровождающих «доминанту» мотивах, усиливающих ее своим созвучием или контрастом, окружающих ее игрой вариаций [Христиансен, 1911, с. 204]. Первым аналогию романа Достоевского с полифонической музыкой провел Комарович, затем — Бахтин, чье определение «полифонический роман» приобрело широкую известность.

Важно, что Комарович, в отличие от Бахтина, в романе Достоевского отметил объединяющую все его «мотивы» «телеологию» (также актуальная для Христиансена категория), связанную с личностью самого автора. «Индивидуальный волевой акт», служащий, по Комаровичу, основой единства романа Достоевского, — это «акт» не персонажный, но авторский. В основу своей программной статьи Комарович положил концепцию художественного произведения как «телеологического единства», состоящего из «напряженности и разрешения»: его структуру определяет универсальный духовно-психологический «закон целесообразной активности», принцип направленности «индивидуального волевого акта» к «сверхлично-му», см.: [Комарович, 2018, с. 190–191]. Так формально-эстетический метод в системе Комаровича вновь смыкается с пневматологическим.

Исследованию нарративных стратегий Достоевского-художника посвящена статья **М.Г. Давидовича** «Проблема занимательности в романах Достоевского» (1924). При рассмотрении приемов, «которыми пользуется писатель для специфической цели заинтересовывания своих предполагаемых собеседников» [Давидович, 1924, с. 104], автор многократно обращается к роману «Подросток». Так, например, прием «забегания вперед» иллюстрируется заявлением Аркадия о своем намерении «стать Ротшильдом»: «”Для чего, зачем, какие я именно преследую цели, об этом будет после”. Эта фраза настораживает внимание, заставляет читателя предполагать в “идее” нечто важное для действия романа, но несколько ниже сам Подросток открывает, что недосказанность была для него лишь уловкой, цель коей — заинтриговать читателя» [Давидович, 1924, с. 105]. Прием «предупреждения» о неожиданности последующих событий — заявлением эпизодического героя романа Афердова о том, что

⁷ Преемство Бахтина в этом аспекте от Иванова давно замечено исследователями. См., например: [Кристева, 2002]; [Садаёси, 1988]; [Фридлиндер, 1994]; [Магомедова, 2008].

⁸ О полигенетичности термина «полифония» в литературоведении подробнее см.: [Богданова, 2016].

«деньги, на которые играет Подросток в рулетку, принадлежат не ему. “Вот это-то и была та прелюдия, которой потом, через несколько дней, суждено было иметь такие последствия”» [Давидович, 1924, с. 106–107]. Прием «стилистического ударения», предполагающий акцент на некоторых выражениях или событиях, разъясняется репликой Версилова Подростку об отсутствии у князя Сережи денег, эта фраза, в восприятии Аркадия, «была ужасно *значительна*, я осекся на месте» [Давидович, 1924, с. 107]. Также, по мысли Давидовича, занимательности повествования способствует «перерыв в действии»: например, «развязка загадочной встречи героя романа и Ламберта надолго отодвигается вследствие болезни Аркадия, разговоров его с отцом (Макаром Долгоруким. — О. Б.) и вставных рассказов последнего» [Давидович, 1924, с. 115]. Наконец, в центре повествования — фигура «загадочного» героя, Версилова, который дан глазами сына, через его меняющиеся мысли и чувства. В результате «читатель недоумевает, прав ли Подросток или нет» в оценке своего кровного отца. Но «Достоевский сам от себя не помогает» читателю разобраться и «предоставляет его колеблющемуся и рефлектирующему Подростку <...>», вслед за которым «и мы, читатели, остаемся во власти догадок и сомнений» [Давидович, 1924, с. 128].

Как известно, в своей знаменитой статье «Идеологический роман Достоевского» (1924) **Б.М. Энгельгардт** сделал важное наблюдение: «Достоевский — историк “случайного племени”» разночинной городской интеллигенции, в отличие от изобразителя помещицкой «дворянской души» Л.Н. Толстого. Поэтому «система» романов Достоевского образует «своеобразную художественную “феноменологию духа” русской интеллигенции», см.: [Энгельгардт, 1924, с. 83–85, 91]. В этих выводах исследователь опирается на опубликованный Гроссманом в книге «Библиотека Достоевского» [Гроссман, 1919] монолог Версилова о Льве Толстом из рукописи «Подростка», произнесенный героем в беседе с Аркадием: «он почти историограф нашего дворянства или, лучше сказать, нашего культурного слоя, завершающего собою “воспитательный период нашей истории”. <...> *Как бы там ни было, хорошо все это или дурно само по себе, но тут уже выжитая и определившаяся форма, тут накопились правила, тут своего рода честь и долг*»⁹. И если «красивый тип» родового дворянина крепок «формой», ставшей «доминантой

⁹ В окончательном тексте «Подростка» эти мысли были перенесены в эпилог и отданы московскому воспитателю Аркадия Николаю Семёновичу.

его художественного изображения», то тип интеллигента, «героя из случайного семейства», напротив, нуждается для своего показа в «идее», которая немедленно претворяется в действие. Таким образом, заключает Энгельгардт, превалирующее в романах Толстого «предание» у Достоевского сменяется господством идеологии, см.: [Энгельгардт, 1924, с. 84–85].

В опубликованной в том же «долининском» сборнике статье **С.А. Аскольдова** «Психология характеров у Достоевского» (1924) подчеркивается «внутреннее родство» персонажей, выводимых романистом в 1860-1870-е годы: они «образуют довольно правильные рядоположения, в которых один пошел в каком-то отношении дальше другого <...>. В этом смысле герои Достоевского несомненно друг друга дополняют и уясняют <...>», их нельзя «рассматривать вполне изолированно», это «одна духовная семья», в частности Раскольников, Ставрогин, Версиков, Иван Карамазов, см.: [Аскольдов, 1924, с. 6, 17]. Аскольдов выделяет их характерные черты: «душевные раздвоения» и «чрезмерную эмоциональную чувствительность», см.: [Аскольдов, 1924, с. 6, 9], — которые подтверждаются примерами из соответствующих произведений писателя, в том числе из «Подростка». Так, «[д]войственность Версикова <...> имеет свой источник не в мыслях, как у Раскольникова и Ивана Карамазова, а в чувстве <...> к Ахмаковой <...>. С наибольшей силой <...> она проявляется, когда Версиков стоит на пороге своего освобождения от фатума. Тут именно обнаруживается, что человек может твердо решиться на одно и в то же самое время, уже помимо своей воли <...>, действовать в совершенно противоположном направлении» [Аскольдов, 1924, с. 13]. В пример приводятся эпизоды с раскалыванием иконы и желанием растоптать букет.

«Версиков, в противоположность Раскольникову и Карамазовым, натура более эмоциональная. В умственном отношении он им не уступает, только его рефлексия более жизненная, конкретная и многосторонняя: никаких особых теорий он не строит, но постоянное и весьма тонкое размышление над жизнью его не покидает <...>. Его <...> интересует осмысливание истории и ее духовной культуры. <...> Новым по отношению к Карамазову и Раскольникову является его эстетизм, <...> не теоретический <...>, а именно жизненно-практический. Он любит духовно красивое и сам не может действовать иначе, как красиво. Но этот эстетизм <...> образует с этическим началом то своеобразное единство, которое называется

духовным благородством. Можно сказать, это основная струна его личности». Кроме того, у Версилова есть «своя общественно-историческая идея — идея будущего человека», которая связана со славянофильством и прикреплена к русскому дворянству, а в философском отношении — к деизму. Однако со спокойным развитием идеи в его сознании резко диссонирует «фатум» страсти к Ахмаковой, приводящий личность этого героя к раздвоению, см.: [Аскольдов, 1924, с. 20–21].

С.Н. Дурылин в известной статье «Об одном символе у Достоевского: Опыт тематического обзора» (1928) обращается к проблеме творческого метода писателя на примере ряда произведений до- и послекаторжного периода, преимущественное внимание уделяя «Преступлению и наказанию», «Бесам», «Подростку» и «Братьям Карамазовым». Дурылин считает, что в своих романах Достоевский «дает немало образцов символического искусства, где метод символизма служит орудием в руках реалиста», причем «[о]дною из наиболее ярких областей применения <...> символизма является пейзаж и interior в его романах», в частности «символ заходящего солнца, заката и косых лучей уходящего дня <...>. Этот символ и композиционный прием, на нем построенный, принадлежит к числу любимейших у Достоевского», см.: [Дурылин, 1928, с. 164–165].

Анализ романа «Подросток» в указанном аспекте занимает в статье Дурылина более 10 страниц. Сначала критик исследует сюжетную линию Аркадия Долгорукого и обращает внимание на «мотив закатной тоски», испытываемой героем в пансионе Тушара: «Я ждал ночи со страшной тоской, помню: сидел в нашей зале и смотрел на пыльную улицу с деревянными домиками и на редких прохожих. <...> Солнце закатывалось такое красное, небо было такое холодное и острый ветер <...> подымал песок». Здесь преобладает боль. В другой раз «в косых лучах заката появляется спасающее видение матери», приехавшей навестить сына в московском пансионе: «Яркое предвечернее солнце льет косые лучи свои и в нашу классную комнату, а у меня, в моей маленькой комнатке налево <...> сидит гостья. <...> Я тотчас же узнал эту гостью, как только она вошла: это была мама». Этим видением Подросток «бредит, окоченевая в снегу, в мороз», выброшенный на улицу из казино после позорного обвинения в краже. Однако в долгие недели болезни, когда красные «косые лучи» закатного часа ежедневно освещают изголовье постели выздоравливающего после «катастрофы» Аркадия, это вызывает

у него «злобу». Но вскоре он встречается с Макаром Долгоруким, «и под косые лучи заката» слышит от него «речи о радости бытия»: «Странник долго вел беседу с Подростком, и уже не злоба душила его, но великий символический деятель — косой луч — делал свое дело умирения и умиления в измученной душе», дав ей «миг новой надежды и новой силы». Таким образом, с помощью этого «эстетического эквивалента” бытия», который колеблется между тоской, надеждой, злобой и радостью, Достоевский, подчеркивает Дурылин, «с проникновенным реализмом изображает мятущийся внутренний мир Подростка». Описанный же выше «прием символизации есть орудие в руках реалиста <...>», см.: [Дурылин, 1928, с. 184–186].

В том же романе, по наблюдению Дурылина, Достоевский освещает закатным светом и эпизодическую фигуру Тришатова. Этот герой рассказывает Подростку о двух важнейших эстетических впечатлениях своей жизни: чтении романа Ч. Диккенса «Лавка древностей» с поразившей его сценой, где девочка задумчиво стоит на паперти собора, «вся облитая последними лучами» заходящего солнца; и воспоминании из своей ранней юности, когда они с сестрой, читая книгу на террасе усадебного дома в закатных лучах солнца, поклялись друг другу, что всегда будут добрыми и прекрасными. «Память о косых лучах человеколюбивой книги, смыкающаяся <...> с памятью о косых лучах прошлого отрочества с его благими порывами, <...> бросает на Тришатова тот довершительный отблеск грусти и боли, свидетельствующих о глубоком ущербе бытия, который делает его образ благородным и правдивым». Перед нами «драгоценн[ый] фрагмент подлинного символического искусства, вставленного в повествование реалиста» [Дурылин, 1928, с. 187].

Третья фигура в «Подростке», маркируемая косыми лучами заходящего солнца, — это Версиллов с его утопией «Золотого века», рассказ о которой является, по мнению Дурылина, «высшей идеологической и художественной точкой романа» как «прощани[е] с закатающейся “страной святых чудес”, с Европой, и “заходящее, зовущее солнце” рассказа является здесь у Достоевского всемирно-историческим символом». Причем «[з]акатная эпоха» в Европе, считает Дурылин, «будет антропологической по преимуществу. Человек останется без Бога и идеи бессмертия». В этом ключе критик не только вспоминает любимую Достоевским картину К. Лоррена «Пейзаж с Адисом и Галатеей» (1657), но и проводит параллель между пророчеством русского писателя в 1875 году и «нашумевшим

“Закатом Европы”» О. Шпенглера, появившимся в 1918–1922 годах. Однако у Достоевского в «Подростке», в отличие от Шпенглера, «последний день европейского человечества» венчается видением Г. Гейне «Христос на Балтийском море», т. е. «восторженны[м] гимн[ом] нового и последнего воскресения», пишет Дурылин. Таким образом, «[д]ве солнечных закатных марины живописца и скептического поэта Достоевский композиционно сомкнул в версильский эпилог», см.: [Дурылин, 1928, с. 188–190].

Поэтики и проблематики «Подростка» касался в 1920-е годы и **М.М. Бахтин**, однако у него нет ни одной работы, целиком посвященной этому роману. Судя по сохранившимся материалам, впервые Бахтин обратился к анализу «Подростка» еще в Витебске, в одной из лекций своего домашнего кружка 1922–1923 годов, посвященной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Ученый связывает образ Чацкого с ранним П.Я. Чаадаевым — «либералом и мизантропом»; зрелого же, «[с]тареющего Чаадаева второго периода <...> изобразил Достоевский в образе Версилова (роман “Подросток”)». При этом «[х]арактерной особенностью как Чацкого, так и Версилова является разрыв между идеей и действительностью». По сравнению с Чацким, считает Бахтин, «в Версиле эта черта чрезвычайно углублена: доктрина становится для него религиозным долженствованием, кровью и плотью. Так, Ахмаковой он навязывает свой идеал <...>. Он предъявляет ей совершенно невозможные требования и, видя, что она не соответствует его идеалу, считает ее дьяволом и вполне верит, что она соблазняет Подростка. <...> Нравственные и религиозные требования Версильов предъявляет к всякому, и потому всем окружающим кажется тягостным и назойливым. <...> Идеализм заставляет как Чацкого, так и Версильова попадать в трагикомические, донкихотские положения». «Двойственность» обоих героев — причина их «бездомност[и], космополитизм[а] и бессемейственност[и]», см.: [Бахтин, 2000, с. 417]. На протяжении романного действия идеализм Версильова, по мнению Бахтина, проявляется в эксцессах, в патологии. Только после «катастрофы» с Ахмаковой, в эпилоге романа герой «присмирел, и идеализм его стал мягче». Таким образом, «в Версильове сквозит вдумчивая и глубокая попытка понять Чацкого не только с социально-политической, но и с психологической стороны» [Бахтин, 2000, с. 418].

Следующий бахтинский текст о «Подростке» — в лекции о Достоевском (1925) из цикла «История русской литературы»,

прочитанного в 1922–1927 годах в Витебске и Ленинграде (в записи Р.М. Миркиной). Здесь есть двустраничный раздел, озаглавленный «Подросток». Бахтин пишет: «Тема “Подростка” — тема отцовства, сыновства и приобщения. Но понимается она не в биографическом плане, а в плане жития, душевной жизни». Версилов, отмечает Бахтин, «не укоренен. Дети — не его дети. Жена — не его жена». Далее ученый во многом повторяет мысли своей лекции о Грибоедове в применении к Версильову: о Чаадаеве и Чацком как его прототипах, об идеализме героя по отношению к Ахмаковой и другим. В то же время, добавляет Бахтин, «Версилов обладает свойством, которое всегда привлекало Достоевского в людях: это — светскость. Он прекрасен и прекрасен до конца. Он чрезвычайно красив, изумительный светский козёр¹⁰, глубокий и эстетически выдержанный», что и привлекает к нему Подростка. Тем не менее «основная задача Версильова — воплотиться», т. е. на законных основаниях обрести своих жену и детей. Однако до конца это, по мнению Бахтина, у него не получается, см.: [Бахтин, 2000, с. 282].

Макара Долгорукого Бахтин определяет как прекрасно удавшийся «житийный образ», однако «это не то, к чему стремился Достоевский. Ему нужно было найти укорененного человека в мире, а Макара укоренен ортодоксально». Аркадий, по мнению ученого, также «человек не биографии, а жития. Радикализм, отдача себя одной идее до конца, определяет его характер. <...> В исповеди Аркадия проявляются стыд себя, грубоватость, чуть-чуть цинизм. И в таком изломанном стиле и написан весь роман» [Бахтин, 2000, с. 283]. Как видим, в этих утверждениях Бахтин, с одной стороны, вслед за другими исследователями, возводит образ Подростка к «Житию великого грешника», одновременно полемизируя с Комаровичем, для которого «житийность» и «биографизм» практически неразделимы, с другой — лаконично определяет речевой стиль «Подростка».

Далее охарактеризованы женские персонажи: Ахмакова, Лиза, Софья Андреевна. Катерина Николаевна — «умная, красивая, уравновешенная, но в то же время ни на что не способная, самая обыкновенная женщина», без «своей проблемы». Лиза, в противоположность Ахмаковой, «должна решить жизненную проблему», которая задана отношениями с князем Сергеем Сокольским, что ей не удастся. Софья Андреевна — «народная душа», тонкая и широкая

¹⁰ *causeur* (*фр.*) — человек, умеющий увлекательно разговаривать на разные светские темы, хороший собеседник.

одновременно; в ее образе «Достоевский хотел показать по-хорошему укорененную женщину». Софья отлично умеет понять и утонченного европейца Версилова, и народного святого Макара. При этом «[н]адрывам и усложнениям в ее душе нет места», см.: [Бахтин, 2000, с. 283–284].

И наконец, в первой главе своей книги «Проблемы творчества Достоевского» (1929) под названием «Основная особенность творчества Достоевского и ее освещение в критической литературе» Бахтин посвящает ряд страниц полемике со статьей Комаровича «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство», попутно высказывая свои суждения об архитектонике и сюжетно-композиционных особенностях этого произведения. Анализируя роман, пишет Бахтин, «Комарович вскрывает в нем пять обособленных сюжетов, связанных лишь весьма поверхностно фабулярной связью. Это заставляет его предположить какую-то иную связь по ту сторону сюжетного прагматизма <...>. Последнее внесюжетное единство романа Достоевского Комарович истолковывает монологически, <...> хотя он и вводит аналогию с полифонией и с контрапунктическим сочетанием голосов фуги». Основная ошибка Комаровича, по мнению Бахтина, «заключается в том, что он ищет непосредственного сочетания между отдельными элементами действительности или между отдельными сюжетными рядами, между тем как дело идет о сочетании полноценных сознаний с их мирами. Поэтому вместо единства событий, в котором несколько полноправных участников, получается пустое единство индивидуального волевого акта. И полифония в этом смысле истолкована им совершенно неправильно. Сущность полифонии именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как такие, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии. <...> Можно было бы сказать так: художественная воля полифонии есть воля к сочетанию многих волей...». Сведя, по мнению Бахтина, «единство мира Достоевского <...> к индивидуальному эмоционально-волевому акцентному единству», Комарович представил «роман “Подросток” <...> каким-то лирическим единством упрощенно-монологического типа, ибо сюжетные единства сочетаются по своим эмоционально-волевым акцентам, т. е. <...> по лирическому принципу» [Бахтин, 2000, с. 28–29]. Вышеприведенный разбор Бахтиным статьи Комаровича о «Подростке» вызывает некоторое недоумение: создается впечатление, что критик оспаривает совсем не то, что содержится в рецензируемой работе.

Полемика между двумя литературоведами продолжилась в немецкоязычном обзоре Комаровича «Новые проблемы изучения Достоевского: 1925–1930. Часть 2» (1934), где, среди прочего, дан анализ книги Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». Здесь Комарович отвечает Бахтину на его критику своей статьи «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство». По мысли ученого, утверждаемый Бахтиным в качестве «ключа» к поэтике больших романов Достоевского «тезис» — «полифония» как «множественность не приведенных к одному идеологическому знаменателю центров-сознаний» — может быть обоснованно применен только к небольшим произведениям писателя, которые и приводятся Бахтиным в качестве примера, — «Бедным людям», «Запискам из подполья», «Кроткой». Комаровичу очевидно, что выводы Бахтина «неприменимы к большим романам Достоевского и их построению», так как исключают присутствующую в них «смысловую точку зрения» автора. Кроме того, «доминантой» образа героя отнюдь не всегда является его «самосознание». По Комаровичу, в романах Достоевского налицо не идейная «незавершенность» (как считал Бахтин), но как раз напротив — идейная «завершенность» героя, реализующаяся «в сфере художественно-объективных событий — катастроф». Функция последних в романном целом «вовсе не “взаимодействие сознаний”, а результат, итог этого взаимодействия и в этом смысле — завершающая оценка или указание на конечный вывод автора», который выражен в «прямом (а не в “двуголосом”) слове». «Односторонность выводов» и «необоснованность тезисов» Бахтина доказывают, по мысли Комаровича, «лишь то, насколько велика необходимость ретроспективного исторического изучения построения романов Достоевского», другими словами — предварительного применения телеогенетического метода для установления особенностей поэтики романов «великого пятикнижия», в том числе «Подростка», см.: [Комарович, 2001].

Возвращаясь к «Проблемам творчества Достоевского», видим, что Бахтин еще не раз обращался к анализу «Подростка» на их страницах. Так, во второй главе «Монологическое слово героя и слово рассказа в повестях Достоевского» в качестве примера «контрапунктического сочетания разнонаправленных голосов в пределах одного сознания» ученый приводит замысел оперы на сюжет «Фауста», изложенный Тришатовым: «Готический собор,

внутренность, хоры, гимны, входит Гретхен <...> в тоске, <...> а хоры гремят мрачно, строго, безучастно:

*Dies irae, dies illa!*¹¹

И вдруг — голос дьявола, песня дьявола. Он невидим, одна лишь песня, рядом с гимнами, вместе с гимнами, почти совпадает с ними, а между тем, совсем другое <...>». В отчаянии «Гретхен падает на колена, сжимает перед собой руки — и вот тут ее молитва <...> и <...> обморок». И вдруг «громовый хор <...>: Hosanna! — Как бы крик всей вселенной <...>». «Часть этого музыкального замысла, — резюмирует Бахтин, — но в форме литературных произведений, бесспорно, осуществлял Достоевский и осуществлял неоднократно на разнообразном материале», см.: [Бахтин, 2000, с. 122–123].

Еще одно значимое обращение к «Подростку» — в третьей главе под названием «Слово героя и слово рассказа в романах Достоевского». Исследуя синтаксические особенности «в построении монологической речи героя» («внутреннюю диалогизацию» и «живую личную обращенность ко всему тому, о чем он думает и говорит»), Бахтин характеризует речевое поведение Аркадия и Версилова. Первому, и как герою и как рассказчику, свойственны «скрытая и открытая полемика с читателем», «оговорки, многоточия», «внедрение предвосхищаемых реплик» и т. п. В слове второго, пишет Бахтин, «обнаруживаются несколько иные явления»: во-первых, при всей сдержанности и кажущейся эстетичности, «в нем нет подлинного благообразия», он скрыт под «словесной маской»; во-вторых, «собственный голос Версилова» все-таки прорывается наружу в редкие неожиданные моменты, «точно и не он говорил». Перебой этих двух голосов «особенно резок и силен в отношении к Ахмаковой (любовь — ненависть) и отчасти к матери Подростка. Этот перебой кончается полным временным распадением этих голосов — двойничеством», см.: [Бахтин, 2000, с. 138, 149–150].

б) Русская эмиграция о поэтике романа «Подросток» в 1920–1940-е годы

Немалое внимание уделяли художественным особенностям «Подростка» русские исследователи в эмиграции (в Чехии, Болгарии, Франции): И.И. Лапшин, Р.В. Плетнев, А.Л. Бем, П.М. Бицилли, К.В. Мочульский. Размышления об этом романе находим во всех

¹¹ День гнева, тот день! (*лат.*)

трех сборниках «О Достоевском» (1929–1936), аккумулировавших плоды деятельности семинариев по изучению творчества писателя в Карловом университете в Праге. В первом из них, выпущенном в 1929 году, напечатана небольшая статья **И.И. Лапшина** «Образование типа Крафта в “Подростке”». Уже по названию можно определить, что посвящена она одному из второстепенных героев романа в аспекте установления его прототипа, т. е. вносит вклад в изучение творческой истории этого произведения. В то же время Лапшин определяет место Крафта в системе персонажей Достоевского, традиционно рассматривая его «великое пятикнижие» как единый текст. Так, он замечает, что на самом деле Крафтом «руководила в самоубийстве не логика, а <...> идея-чувство, которая может быть уничтожена лишь равной ей по силе, но прямо противоположной идеей-чувством» [О Достоевском, 2007, с. 143], и сопоставляет его с героем «Бесов» Шатовым, который как раз и выдвинул равную по интенсивности переживания, но абсолютно другую по содержанию идею русского «*националитического мессианизма*», в противовес крафтовской идее отсутствия «*исторической будущности*» у русского народа. По мнению Лапшина, Крафт и Шатов «являются родственными натурами по крайней мере *в одном отношении: неверие в русский народ у одного и вера в высшее призвание русского народа у другого имеют эмоциональный, импульсивный, не просветленный светом разумного сознания характер — некоторую навязчивую идею, причем одна из них может легко переходить в другую при известных условиях*» [О Достоевском, 2007, с. 145]. Одновременно Лапшин, обратившись к воспоминаниям А.Ф. Кони, которыми тот делился с Достоевским в начале 1870-х годов, устанавливает один из возможных прототипов Крафта в «Подростке»: это бывший товарищ Кони по Московскому университету Крамер, ставший «*живой моделью Крафта*». К такому выводу Лапшин приходит на основании следующих совпадений: немецкого происхождения прототипа и героя и созвучия их фамилий; веденія обоими перед смертью *дневника* с изложением одинаковых идей; ряда тонких психологических деталей (например, озабоченности количеством вытекшей крови в момент самоубийства), см.: [О Достоевском, 2007, с. 144]; и др. «Сопоставление Крафта с Шатовым, — заключает Лапшин, — сделано мною с целью показать, что Достоевского поразила история <...> Крамера именно тем, что его “идеология” представляла <...> дополнительный контраст воззрениям Шатова и именно этим Крамер заинтересовал

Достоевского» [О Достоевском, 2007, с. 145]. Также отметим, что эта работа Лапшина — одна из немногих в первой половине XX века, целиком посвященных роману «Подросток».

Во втором пражском сборнике «О Достоевском» (1933) есть статья **Р.В. Плетнева** «Сердцем мудрые» (О “старцах” у Достоевского», где, наряду с Тихоном из «Жития великого грешника» и ненапечатанной главы «У Тихона» из «Бесов» и Зосимой из «Братьев Карамазовых», уделено внимание герою «Подростка» Макару Ивановичу Долгорукому. По Плетневу, это как бы вариации одного типа, создаваемого одними и теми же приемами «сентиментализма»: «Макар Долгоруков — первый печатный опыт христианина-учителя, типа народно-православного. В его речах отразились не только инок Парфений, но и “духовные стихи” и Жития. И Макар и Зосима говорят в религиозно-сентиментальном стиле делателей “Иисусовой Молитвы”. Сентиментализм выражается здесь всеми своими основными признаками: здесь и “культ” сердечности, культ сердца, культ радостных слез и слез умиления, культ дружбы, культ условно-благой природы и, наконец, даже пристрастие к ласкательно-уменьшительным именам» [О Достоевском, 2007, с. 257].

Третий пражский сборник «О Достоевском» (1936) целиком занят большой работой **А.Л. Бема** «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский». В каждой ее части есть обращения к «Подростку». Начнем с «Предисловия» с его основным тезисом: *«Достоевский прежде и раньше всего должен быть понят как явление русского литературного развития»* [О Достоевском, 2007, с. 412], т. е., другими словами, в единой парадигме с остальными писателями. Наряду с чрезвычайной восприимчивостью к чужому художественному творчеству, Бем отмечает в Достоевском сокрытие «источников своего художественного возбуждения» и сложное их претворение «сообразно своим художественным заданиям», см.: [О Достоевском, 2007, с. 411]. Осветить указанные моменты, «установить его связь с литературными предшественниками и современниками» — «значит проникнуть к самым истокам творчества писателя» [О Достоевском, 2007, с. 413]. Сделать это Бем намеревается, с одной стороны, путем обращения *«непосредственно к тексту произведения»*, с другой — применением метода *«мелких наблюдений»*, опирающихся на учение Фрейда о бессознательном и его проявлениях в снах, описках, оговорках, забывании и проч., см.: [О Достоевском, 2007, с. 411, 414].

Определив цели и приемы исследования, Бем в главе «Грибоедов и Достоевский» выстраивает убедительный типологический ряд из Дон-Кихота, Чацкого и Версилова. Всех троих сближает «любовь к сочиненной женщине». Не случайно Достоевский, по мнению Бема, заставляет Версилова «играть роль Чацкого на сцене домашнего театра, не случайно эта его игра производит такое потрясающее впечатление на его сына». Сам Подросток осмысляет «загадочную судьбу Версилова» сквозь призму сюжетной линии Чацкого в грибоедовском шедевре, открывая параллелизм в любовных треугольниках «Молчалин — Софья — Чацкий» и «Бьоринг — Ахмакова — Версиров». По Бему, Дон-Кихот, Чацкий и Версиров — «одного безумия люди»; и писатель «любит своего Версирова, хотя и видит всю его непригодность к жизни. В уста Версирова он вкладывает свои самые дорогие мысли, и с редкою лиричностью он описывает “золотой сон человечества”, ему привидевшийся». Итак, заключает ученый, в творчестве Достоевского «образ Версирова еще требует своего внимательного изучения. <...> В программной черновой записи к “Подростку” Достоевским написано “Чацкий”, и с этим прямым подтверждением выдвигаемой нами связи нельзя не считаться», см.: [О Достоевском, 2007, с. 427–429].

В главе «Пушкин и Достоевский» анализируется влияние на «Подростка» сразу двух произведений Пушкина — «Пиковой дамы» и «Скупого рыцаря». Герой первого — игрок Германн — прямо назван в предпоследнем романе Достоевского «колоссальным лицом, необычайным, совершенно петербургским типом», а его «дикая мечта» ассоциируется у Подростка с «фантастичностью» петербургского утра, «казалось бы, само[го] прозаическо[го] на всем земном шаре». Пушкинский персонаж и связанный с ним «образ города-сна, исчезающего вместе с туманом», как показывает Бем, укоренен в творческом сознании Достоевского еще с 1840–1860-х годов (в рассказе «Слабое сердце» и фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе»), см.: [О Достоевском, 2007, с. 430–432]. Кроме того, «пушкинское выражение “неподвижная идея” из “Пиковой дамы” было <...> прочно усвоено Достоевским, и этим понятием он пользуется в “Подростке”, чтобы передать состояние “одержимости идеей”, которой так часто больны его герои» [О Достоевском, 2007, с. 478].

«Скупой рыцарь» очевидно связан с ротшильдовской идеей Подростка: сам герой признается, что «еще в детстве выучил наизусть

монолог» из этой пушкинской драмы. Бем утверждает, что «именно в идейном содержании “Скупого рыцаря”, а не в совпадениях сюжетного характера надо искать отражения Пушкина в творчестве Достоевского. Внешние отражения — только следствие этого более глубокого внутреннего сродства», см.: [О Достоевском, 2007, с. 462–463]. Уже во время работы над планом «Жития великого грешника», пишет Бем, у Достоевского созревает мысль положить в основу будущего романа «идею могущества, утверждаемого путем богатства», прямо соотношенную со «Скупым рыцарем». Позже, в «Подростке», писатель совершает инверсию пушкинских персонажей: «Версильов (отец. — О. Б.) — расточитель и молодой Долгорукий (сын. — О. Б.) — идейный стяжатель» [О Достоевском, 2007, с. 475]. Вообще, считает Бем, «Пушкин очень сильно владел сознанием Достоевского во время работы над планом “Жития...”» [О Достоевском, 2007, с. 476]. Признавая, вслед за Комаровичем, несомненную связь между «идеей накопления» в «Житии...» и «Подростке», Бем тем не менее возражает против «безоговорочного» мнения Долинина (в комментариях к письмам писателя) о тождестве этой идеи у Пушкина и Достоевского, см.: [Достоевский, 1928, с. 468]. С одной стороны, образы Скупого рыцаря и Аркадия действительно сближает «“чувство-идея”, овладевшая всем существом человека», с другой — «в своем истолковании страсти накопления <...> Достоевский далеко не так зависит от Пушкина, как может показаться <...>»: произведенная идейная инверсия отца и сына, «сдвиг сюжета открыва[ют] Достоевскому новые возможности». «Если Пушкин давал ответ на вопросы: *как и зачем* скупец накапливает свои богатства, то Достоевский <...> показал *почему*, т. е. благодаря каким условиям возникает и укрепляется самой идеей-страсть». Это — «уединение, “уход в подполье”, «демон гордости». И если в «Записках из подполья» «борьба велась с законами природы, с “дважды два четыре”», то в «Подростке» она «ведется с игрой случая, с промыслом Божиим, в конечном счете». Пути Достоевского в художественном осмыслении страсти накопления «встретились с путями Пушкина, но не совпали», см.: [О Достоевском, 2007, с. 477, 480–481, 483]. Кроме указанного аспекта, для Бема важна и другая сторона «коллизии отца и сына» в «Подростке» — любовная, страсть к одной женщине, которая разовьется в последнем романе Достоевского. «Так тянутся нити от “Скупого рыцаря” через “Житие великого грешника” и “Подростка” к роману “Братья Карамазовы”», пишет Бем, см.: [О Достоевском, 2007, с. 484–485].

Наконец, во втором разделе главы «Толстой и Достоевский» под названием «Художественная полемика с Толстым (*К пониманию “Подростка”*)» Бем еще более подробно останавливается на интересующем нас романе Достоевского. Это одна из немногих в первой половине XX века работ, целиком посвященных «Подростку». Начинает пражский ученый с анализа той особенности, которая, по его мнению, «чрезвычайно поразила» Достоевского в «Детстве» и «Отрочестве» Л.Н. Толстого, — «благообразия». Отметив «больные», «достоевские» места «в семейной обстановке, питавшей детство и юность Николеньки», героя толстовских повестей (например, о роли карт и женщин в жизни его папы, о молчаливых страданиях матери, о «тихой ненависти» Иртеньева-отца ко второй, чрезмерно жертвенной молодой жене-красавице и т. п.), Бем приходит к выводу о том, что «Достоевский не мог не задуматься над вопросом <...>: как могли при *таком* детстве <...> сформироваться дети душевно цельные и морально здоровые?» [О Достоевском, 2007, с. 537]. Ответ был найден в самом дворянско-помещичьем укладе как целом, опирающемся на «предание», на выработанные за 200 лет существования общие ценности.

Задумав роман-эпопею «объемом в “Войну и мир”», Достоевский в своем «Житии великого грешника», пишет Бем, «надеялся дать и “историю детства”, как он ее понимал в противоположность Толстому». Именно роман «Подросток» «и явился художественным ответом Толстому»: здесь современное «случайное семейство» противопоставлено ушедшему в прошлое дворянскому толстовскому «благообразию». Автобиографизм образа Аркадия-ребенка был открыт, пишет Бем, Мережковским и Гроссманом; в опубликованных Комаровичем рукописях «Подростка» подтверждается связь этого романа с «Детством» и «Отрочеством» Толстого, там же Бем находит «[п]ротивопоставление двух типов русских семей». На основе опубликованных в России и Германии черновиков «Подростка» пражский ученый анализирует желательную для Достоевского эволюцию русского дворянства: от замкнутой родовой социально привилегированной касты (которую изображал Толстой) — к «высшему культурному типу <...> всемирного боления за всех», «хранителю чести, света, науки и высшей идеи», собранию «лучших людей» из всех сословий (о чем говорит Версильев), см.: [О Достоевском, 2007, с. 538–539, 541–546].

Также Бем отмечает, что полемика с Толстым во многом определила композицию и «построение отдельных деталей» «Подростка» как художественного произведения. В системе образов — это «история “отца и сына”», в сюжете и прототипах — «осколки личной биографии Толстого» («не случайно Версиров оказался владельцем имения в *Тульской губернии*» и «вступил в мировые посредники первого призыва», а «женою его и матерью героя оказалась *Софья Андреевна*») и т. п. Таким образом, убежден Бем, «не может подлежать сомнению», что в эпилоге «Подростка» «вовсе не “воображаемого” романиста имеет в виду Достоевский, а графа Л.Н. Толстого <...>», которому «выносит суровый приговор» за изображение «миражных героев» из сходящего с исторической сцены дворянско-помещичьего сословия и невнимание к «текущей» современности, см.: [О Достоевском, 2007, с. 547–551].

Художественные особенности «Подростка» интересуют и **П.М. Бицилли** в статье «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского», впервые опубликованной в журнале «Годишник на Софийския Университет. Историко-филологически факултет. София» (Т. 42. Ч. 15. 1945/1946. С. 1–72). Здесь продолжена тема статьи Давидовича «Проблема занимательности в романах Достоевского», напечатанной в 1924 году в СССР. Бицилли говорит о важности изучения стиля Достоевского, которому до сих пор уделялось мало внимания. Поэтому в произведениях писателя 1840–1870-х годов он подробно рассматривает «средства экспрессии», клише, а также лексемы неопределенности, отрицания, неуверенности, внезапности (такие как «вдруг», «некоторый», «несколько», «довольно», «впрочем», «даже», «какой-то», «словно», «будто» и др.). Изобилие «диминутивных» (уменьшительно-ласкательных и уменьшительно-пренебрежительных) форм, считает Бицилли, «явно восходит к языку простонародья» [Бицилли, 1996, с. 483-484]. Помимо других романов, даются и многочисленные примеры из «Подростка» [См.: Бицилли, 1996, с. 484-485, 506-507, 514 и др.]. Сложность сюжетной и стилистической ткани главных произведений Достоевского, включая предпоследний роман, не позволяет «вогнать» их, по мнению Бицилли, в сценические рамки. Ведь писатель «не только антрополог, но и социолог — в широком смысле этого слова. Его преследовала идея *совиновности*, ответственности каждого за царящее в мире зло». Бицилли склонен признать правоту бахтинской концепции «полифонического романа»: эта форма, по мнению софийского

ученого, «была для Достоевского более подходящей, нежели форма драмы, предназначенной для сценического воплощения» [См.: Бицилли, 1996, с. 522].

Вновь обратимся к изданной в 1947 году в Париже объемной книге **К.В. Мочульского** «Достоевский. Жизнь и творчество», содержащей многостраничный аналитический раздел о романе «Подросток» (глава 20)¹². Живя во Франции, Мочульский владел всем русскоязычным достоевсковедческим дискурсом, созданным и в дореволюционной России, и в эмиграции, и в СССР: в своей книге он обнаруживает отличное знакомство с советскими изданиями не только 1920-х годов (архивными, мемуарными и научно-исследовательскими), но и 1930-х — цитирует черновые тетради Достоевского с материалами по «Преступлению и наказанию», «Идиоту», «Братьям Карамазовым», научные статьи в советских журналах, тома «Литературного наследия», книгу Г.И. Чулкова «Как работал Достоевский» (1939) с публикацией больших фрагментов из трех черновых тетрадей «Подростка», хранящихся в Центрархиве (книга А.С. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского (История создания романа “Подросток”»», также основанная на обильном цитировании черновых тетрадей «Подростка» из Центрархива, вышла в СССР в один год с книгой Мочульского и поэтому не была им учтена); из известной ему эмигрантской литературы по Достоевскому можно назвать пражские сборники «О Достоевском», тома пиперовской серии «Наследие Достоевского» (1925–1931) с публикациями рукописей «Подростка» из Московского исторического музея и Пушкинского Дома, а также статей ведущих советских ученых (подробнее см.: [Богданова, 2015]), книгу Вяч.И. Иванова «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932). Два последних издания были выпущены в Германии в переводе на немецкий язык. Кроме того, в отличие от своих коллег в метрополии, Мочульский не испытывал какого-либо идейного принуждения. В результате его исследование стало одновременно наиболее полным и свободным в концептуальном отношении и наиболее обоснованным в источниковедческом плане из всех, написанных в первой половине XX века.

Целью Мочульского было подвести своего рода полувековые итоги освоения наследия Достоевского сначала символистами,

¹² В первой части нашего обзора мы уже анализировали это издание в аспекте биографии Достоевского (см.: [Богданова, 2021]).

которые открыли его как «великого религиозного мыслителя» и «философа», затем научным литературоведческим сообществом, открывшим его как «художника». Поэтому книга парижского ученого носит синтетический характер, одновременно являясь и духовной биографией писателя, и анализом его художественной эволюции, см.: [Мочульский, 1995, с. 220]. По такому принципу написана и глава о «Подростке».

Она имеет обобщающий характер: помимо собственных выводов автора, здесь аккумулированы, иногда без ссылок на источники, религиозно-философские открытия Вл.С. Соловьева, Мережковского, Розанова, Бердяева и др., а также научные наработки Комаровича, Энгельгардта, Чулкова, Лапшина, Бема и др. Начинает Мочульский с воссоздания творческой истории «Подростка» с опорой на доступные ему рукописи романа, опубликованные Комаровичем и Чулковым. При этом подробно анализируется связь предпоследнего романа писателя с замыслом «Жития великого грешника» (далее «Подросток» постоянно сопоставляется с двумя другими вышедшими из «Жития...» романами — «Бесами» и «Братьями Карамазовыми») и, с опорой на статьи Комаровича 1922–1925 годов, прослеживаются изменения в черновых записях от первоначального плана до окончательного текста. Вслед за Бемом парижский ученый останавливается на воздействии Пушкина на Достоевского при вынашивании замысла «Подростка». Особо подчеркнута Мочульским, не без влияния Энгельгардта, роль идеи: в романах Достоевского «личность всегда идееносна», см.: [Мочульский, 1995, с. 464–468]. Также исследователь касается полемики Достоевского с Толстым в «Подростке», излагая ее по Бему: роман «задуман как антитеза семейным хроникам дворянского писателя», его идея «становится понятной только в плане полемики с “изжившей себя помещичьей литературой”». При этом закономерно выдвигается заслуга Достоевского как писателя, изобразившего «не исключения, а “человека большинства”, «беспочвенно[сть] и бесформенно[сть]» современного ему русского общества. Как «художественный ответ Достоевского на “Войну и мир” Толстого», «Подросток», пишет Мочульский, противопоставил текущий «беспорядок» ушедшему в прошлое дворянскому «благообразию», см.: [Мочульский, 1995, с. 469–470]. Возможно, именно поэтому здесь, по сравнению с «Бесами», изменилась тональность в изображении революционного кружка: если в предыдущем романе нигилисты —

«преступники, убийцы, разрушители», то революционеры в последующем — «мечтательные утописты в духе Фурье, христианские социалисты, напоминающие петрашевцев. К первым автор относится с бешеной ненавистью, ко вторым — с пренебрежительной снисходительностью», см.: [Мочульский, 1995, с. 472]. Указав на прототипы членов кружка Дергачева в «Подростке», Мочульский переходит к анализу поэтики этого романа.

«Беспорядок» современной ему русской действительности Достоевский, по мысли ученого, выразил в особой композиции и сложной системе образов, поражающих «своей запутанностью и перегруженностью. Автор поставил себе парадоксальное задание — изобразить бесформенность в художественной форме, вместить картину хаоса в рамки искусства» [Мочульский, 1995, с. 471]. Композиция «Подростка», по мнению Мочульского, реализует мысль о том, что «[в]месте с идеей Бога распалась и идея *всеединства мира*», и определяется главной религиозно-социальной идеей романа: «*Может ли человечество устроиться на земле без Бога?*». Так своеобразная «соборность» центральной в произведении личности Версилова, «частью души» которого являются все остальные герои, оказывается композиционно обусловленной. Вслед за Комаровичем Мочульский с образной наглядностью рассуждает о «сложном контрапункте» «Подростка», вмещающего в себя несколько самостоятельных сюжетов с разной степенью «напряженности», и о его «динамическом единстве»: «Динамическую композицию Достоевского можно сравнить с рядом волн, бегущих к берегу. Самая могучая волна начинает нарастать раньше других, разбивается позже и с большей силой: меньшие волны своими взрывами предвворяют грохот ее падения», см.: [Мочульский, 1995, с. 471, 474–475].

Затем ученый переходит к анализу главных персонажей романа. В образе Аркадия Долгорукого он подчеркивает автобиографизм (детство и родительская семья Достоевского), конституирующую роль идеи богатства как могущества в связи с влиянием Пушкина, формирование «*подпольной психологии*» и раздвоение героя по ходу действия («красота» и «подполье»). Разобрав все главные идейно-композиционные «узлы» сюжетной линии Подростка, Мочульский приходит к выводу: «Аркадий не погиб в хаосе <...>. После ада (“Бесы”) и чистилища (“Подросток”) писатель задумывает поэму о рае (“Братья Карамазовы”). Смерть прерывает его восхождение в самом начале», см.: [Мочульский, 1995, с. 476–480].

«Главный герой романа» Версиров «открывается нам через сознание сына», что особо подчеркнуто Мочульским. Далее, как и в случае с Аркадием, следует подробный разбор основных идейно-композиционных «узлов» сюжетной линии Версирова, постоянно сопоставляемого со Ставругиным как два фазиса развития одного замысла («Жития великого грешника»). В отличие от героя «Бесов», Версиров не погибает в конце романа, а «духовно воскресает» после кризиса — его спасает «мистическая сила жизни», «мистическая религия жизни», исповедуемая Достоевским, см.: [Мочульский, 1995, с. 480–484]. С «парадоксом Версирова», его раздвоенностью на протяжении романного действия связаны также, считает Мочульский, ведущие идеи произведения, разделяемые самим писателем: «духовное дворянство» и «русская аристократия духа» (как ответ толстовскому «возвышающему обману» в изображении дворянско-помещичьего сословия); взаимосвязь Европы и России; «сон о Золотом веке» и возможность «автономной нравственности», без Бога. В последнем случае, пишет Мочульский, Достоевский сумел претворить «апокалипсис» в «идиллию», а затем эту «гуманистическую утопию» увенчал «новым богооткровением»; он был утопистом, «пророком “невероятной мечты” <...> не только в эпоху увлечения Фурье и Сен-Симоном, но и после каторги — всегда». Для ученого важно, что «идеи-страсти, идеи-энергии, идеи-образы превращаются у Достоевского в эстетические ценности», см.: [Мочульский, 1995, с. 485–487].

Идейно-композиционный смысл главных женских образов «Подрустка», по Мочульскому, следующий: Софья Андреевна — одновременное воплощение «религиозного начала» и «народной души», «благословенный образ русской матери — высочайшее создание писателя»; Ахмакова — «живая жизнь», «сама жизнь, непостижимо простая и ясная» [Мочульский, 1995, с. 482].

«Религиозный и художественный замысел романа находит <...> свое завершение» в образе Макара Долгорукого как «выражении <...> духовного “благообразия”». Он также вырастает из плана «Жития великого грешника» и черновиков к «Бесам» (фигуры архиерея Тихона). В то же время Мочульский возводит генеалогию Макара к «положительно прекрасному человеку» в романе «Идиот» и «Власу» Некрасова. Как и в случае с Версировым, ученый подчеркивает важность для писателя именно эстетического задания: в лице Макара русский «народный идеал святости чужд византийской строгости

и монашеского аскетизма», Достоевский «создает своих народных святых вне церковно-монашеских традиций», в русле «*мистического натурализма*»¹³, «[р]елигиозный идеал народа есть духовная *красота*», см.: [Мочульский, 1995, с. 488].

Завершая рассмотрение работ по поэтике «Подростка», написанных в русском зарубежье, отметим, что приток достоевсковедческих идей из метрополии в эмиграцию не прекращался и в 1930–1940-е годы (чего нельзя сказать об обратном направлении в эти же десятилетия): живя в Чехии, Болгарии и Франции, Лапшин, Плетнев, Бем, Бицилли и Мочульский знали содержание изданных в 1920–1930-е годы в СССР «долининских» сборников, трудов самого Долинина, а также Гроссмана, Комаровича, Бахтина и Чулкова, заинтересованно полемизировали с ними, использовали опубликованные ими и другими советскими учеными рукописные и мемуарные источники, опирались на тексты Полного собрания художественных произведений Достоевского (М.; Л.: 1926–1930). При этом, в отличие от советских коллег в 1930–1940-е годы, они не были стеснены идеологическими и цензурными рамками, а напротив, пользовались полной концептуальной свободой. Поэтому их исследования во многом сохраняют актуальность до наших дней.

в) Исследования по поэтике «Подростка» в СССР 1930–1940-х годов

Возвращаясь к советской науке о Достоевском в 1930–1940-е годы, отметим два важных исследования по поэтике «Подростка», основанных на неопубликованном рукописном материале, — Чулкова и Долинина. В отличие от Мочульского, **Г.И. Чулков** биографию и очерк творчества писателя разделил на две отдельные книги: «Жизнь Достоевского» (1935–1936), о которой мы уже говорили в разделе по биографике¹⁴, и «Как работал Достоевский» (1939), о ней речь пойдет ниже. Сам автор так определяет цели своего исследования «о творческом опыте Достоевского»: «ознакомить читателя с краткой историей текста художественных произведений писателя», «дать <...> полную сводку высказываний самого Достоевского

¹³ «Мистический натурализм», по К.В. Мочульскому, — «вера в естественную благодать жизни», присущая многим героям Достоевского, прежде всего в романе «Идиот», и даже во многом самому писателю.

¹⁴ См.: [Богданова, 2021].

об его повествовательных опытах», «сообщить <...> наблюдения над писательской техникой художника и отметить [ее] психологические мотивы», «выяснить основы поэтики Достоевского, поскольку она зависела от биографических и социальных условий его писательского труда» [Чулков, 1939, с. 3]. В этой последней книге Чулкова «Подростку» посвящены несколько десятков страниц в главах 4 и 5.

В 4-й главе детально рассмотрена рукопись плана «Жития великого грешника» и выявлены «элементы, которые вошли потом как в роман “Бесы”, так и в романы “Подросток” и “Братья Карамазовы”». Отмечено, что «в записях, относящихся к детству и отрочеству героя, немало черт, которые мы находим в биографии Аркадия <...>. Прежде всего — идея накопления денег как средства для уединенного могущества — тема пушкинского “Скупого рыцаря” в аспекте юного мечтателя». Далее — «тема гордого уединения» и «[в]оспитание себя мучениями», т. е. «психологическая черта, хорошо нам известная из канонического текста <...> “Подростка”». Другие мотивы этого романа в плане «Жития...» — это «ряд записей об Альберте, <...> названном в “Подростке” Ламбертом»; эпизод измены второй жены Альфонского на глазах «мальчика», перешедший в черновые тетради к «Подростку», но не включенный в окончательный текст; и др., см.: [Чулков, 1939, с. 193–195].

В 5-й главе Чулков сначала останавливается на истории печатания «Подростка» в «Отечественных записках», взаимоотношениях с Некрасовым и другими членами редакции журнала, затем кратко характеризует реакцию Н.Н. Страхова и А.Н. Майкова на возобновившееся (после 1840-х годов) сотрудничество Достоевского с Некрасовым и переходит к подробному анализу сохранившихся рукописей романа в архивах Москвы и Ленинграда и их публикаций в СССР и Германии¹⁵. Хотя «[ц]ельной рукописи “Подростка” в редакции, предназначенной для печати, не сохранилось», имеющиеся в распоряжении исследователей «записи дают возможность установить генезис романа» [Чулков, 1939, с. 243]. Но предварительно Чулков проводит подробный анализ мотивов рукописи «Жития великого грешника», получивших развитие как в черновиках, так и в окончательном тексте «Подростка». В духе своего времени московский исследователь особое внимание в черновиках обращает на «социологию Достоевского», приведя в пример «критический этюд»

¹⁵ Подробнее см.: Настоящий обзор. С. 132–134.

Версилова о романисте-«историографе нашего дворянства» (т. е. о Толстом) и подчеркнув демократизм Достоевского, см.: [Чулков, 1939, с. 246–248].

Но главным содержанием 5-й главы становится анализ «трех <...> еще не опубликованных тетрадей], относящихся к “Подростку”», «наиболее характерны[е] запис[и]» из которых обильно цитируются Чулковым. Для выявления особенностей поэтики Достоевского исследователь рассматривает «различны[е] <...> план[ы]», «сюжетны[е] вариант[ы] <...> в виде программ» и редко — «конкретных сцен», «ряд характеристик Версилова, его афоризмы, его рассуждения о социализме и христианстве; наконец, <...> материалы для лексики и фразеологии Макара Ивановича» [Чулков, 1939, с. 249]. Все это, пишет Чулков, свидетельствует о том, «с какой настойчивостью искал Достоевский наилучшей фабулы для выяснения идеи и характеров романа, пробуя разнообразные сюжетные мотивы и безжалостно их отвергая, так как всегда был уверен, что запас их в его воображении неистощим. <...> Не только отдельные мотивы сюжета, но и весь план романа в записях тетрадей изменяется неоднократно» [Чулков, 1939, с. 251].

Путем сличения одновременных записей о Версильове Чулков показывает, как писатель «постепенно искал его характерные черты и <...> старался найти какой-то психологический центр для этого сложного типа»; в записях об Аркадии видно, что «Достоевский не сразу решил, будет ли он писать роман от лица Подростка или от автора», см.: [Чулков, 1939, с. 257].

Довольно много места Чулков отводит отражению темы социализма в «Подростке», что объяснимо предпочтениями советских изданий. В первую очередь по рукописям прослежен процесс претворения газетных известий о «Деле долгушинцев», которое слушалось в Сенате летом 1874 года, в художественное изображение кружка Дергачева и его членов. Кроме того, Чулков старается реабилитировать Достоевского как автора антинигилистических «Бесов», подчеркивая гораздо более терпимое отношение к революционерам в «Подростке». Также освещается полемика писателя с генералом Р. Фадеевым по вопросу о Ш. Фурье на страницах одной из черновых тетрадей, в которой Достоевский однозначно становится на сторону социалистов, см.: [Чулков, 1939, с. 261–266].

Последним аккордом в изучении «Подростка» и его поэтики в первой половине XX века стала книга **А.С. Долинина** «В творче-

ской лаборатории Достоевского (История создания романа «Подросток»)» (1947). За весь указанный период это первая и единственная монография, целиком посвященная предпоследнему роману писателя. Как и работа Чулкова, исследование Долинина базируется на анализе рукописного корпуса романа, прежде всего трех неопубликованных черновых тетрадей из Центрархива-ЦГАЛИ. Из 26 глав книги целых 3 полностью посвящены анализу рукописей, предваряющих окончательный текст «Подростка», в том числе замыслам «Атеизма» и «Жития великого грешника»; в остальных же пока неопубликованный рукописный материал¹⁶ обильно используется. Большое внимание уделено и другим, газетно-журнальным источникам мотивов и образов романа, а также обнаружению прототипов из реального окружения писателя разных лет: Е.П. Ивановой, А.А. Куманина, Ч.Ч. Валиханова, Н.П. Суловой, П.А. Исаева, Ф.А. Маркуса и др. Фактологическая ценность этих находок несомненна. Немало глав с анализом формы произведения: нарративных стратегий, сквозных мотивов, сюжетно-композиционных особенностей. Долинин еще с 1920-х годов убежденный противник концепции Мережковского-Бердяева о резком переломе в творчестве Достоевского после «Записок из подполья», для него все произведения писателя 1840–1870-х годов практически единый текст. Наибольший объем в книге Долинина занимают так называемые идеологические главы, в которых очевидна попытка выдвинуть применительно к «Подростку» предпочтительные для советского литературоведческого дискурса темы — атеизм, оппозиционную демократическую критику, связи Достоевского с деятелями революционного движения, — о чем свидетельствуют такие, например, названия глав: «Появление в качестве “положительного героя” атеиста, верующего в социальное преобразование человечества», «Политический процесс долгушинцев в черновых записях романа и в окончательном тексте», «Макар Долгорукий и “Влас” Некрасова» и т. п., см.: [Долинин, 1947, с. 166–167].

С самого начала Долинин подчеркивает уникальность «Подростка» как предмета для изучения: «По количеству и качеству черновых записей, дающих возможность исследовать ход работы писателя над романом, — от его первоначального замысла и первоначальных планов до окончательной его редакции, — “Подросток” находится в положении наиболее благоприятном». Более того,

¹⁶ О публикации в СССР в 1965 году ранее ненапечатанных рукописей «Подростка» см.: Настоящий обзор. С. 133. Примеч. 3.

только материалы к этому роману «обладают той полнотой, которая дает нам возможность следить шаг за шагом за всеми этапами творческой работы писателя <...>». В своей книге Долинин намеревается «[п]оказать <...> всю сложность его метода, всю противоречивость его идеологии, в которой сочеталась <...> устремленность <...> к обществу, где человек был бы счастлив и совершенен» и «реакционная борьба с людьми революции <...>». При этом автор четко оговаривает собственную идейную позицию, чреватую однозначной оценочностью и выборочностью: «Разумеется, мы, люди с советской идеологией, систему воззрений Достоевского философского и общественно-политического направления **в корне отвергаем**: противником революционных методов борьбы за лучшее будущее человечества остается он и в этом романе, как во всех других произведениях второго периода его творчества, начиная с журнала “Эпоха” и “Записок из подполья”», см.: [Долинин, 1947, с. 3–4, 7]. Долинин не забывает подтверждать обозначенную позицию и в других местах монографии: например, мнение Достоевского о первом «Философическом письме» П.Я. Чаадаева названо им «абсолютно неверн[ым]»; прямо выражено и резкое несогласие советского ученого с идеалом «благообразия» Макара Долгорукого, с «общественной пассивностью» и «религиозным смирением» этого героя, см.: [Долинин, 1947, с. 77, 164].

Долинин акцентирует все, что может хоть как-то примирить советскую идеологию с автором «Подростка»: подчеркивает дружеское отношение Достоевского к революционеру-демократу Некрасову; положительно оценивает факт публикации романа в радикально-народническом в 1870-е годы журнале «Отечественные записки»; большое внимание уделяет эпизодам с революционным кружком Дергачева и «петрашевскому» прошлому самого писателя; педалирует интерес к противникам русского самодержавия А.И. Герцену и Чаадаеву как прототипам Версилова; при этом эволюцию образа Версилова в ходе работы над романом обозначает «от Чаадаева к Герцену», т. е. в направлении от умеренной оппозиционности к открытой революционности; в привлекаемом газетном материале демонстрирует картины разложения буржуазного строя России 1870-х годов; одобрительно характеризует критические высказывания в черновых тетрадях к «Подростку» «демократа» Достоевского об «аристократе» Толстом, передавая полемику первого с «помещичьей литературой»; подробно и уважительно рассматрива-

ет революционно-народническую критику «Подростка» — отклики П.Н. Ткачева, А.М. Скабичевского, Н.К. Михайловского; и т. д., см.: [Долинин, 1947, с. 64, 74–77, 87, 104, 139–142, 163 и др.]. Все это концентрируется в авторском резюме книги: «Да, Достоевский <...> остался верен <...> своему “направлению”. И все же “Подросток” <...> занимает безусловно особое место в цикле его романов второго периода, несмотря на всю его антиреволюционность, на его проповедь “внутренней свободы” как единственного средства изменения “лика мира сего”».

Этот “лик” показан в “Подростке” во всей своей уродливости, и в этом первая великая ценность романа, так подкупившая радикальную критику того времени. И второе — ни в одном из предыдущих произведений Достоевского вопросы общечеловеческие, переустройства мира на началах действительной правды и справедливости, не ставились с такой широтой, как в этом романе» [Долинин, 1947, с. 165].

Тем не менее первую исследовательскую монографию о «Подростке» в разгар «ждановских» постановлений и проработок¹⁷ ждала незавидная судьба. В современной ей периодике книга получила убийственную оценку как «возмутительная попытка извратить основную задачу советского литературоведения»: оказывается, Долинин «обязан был вскрыть **порочность творческого метода** Достоевского, а не прикрываться тойгой мнимого объективизма»; поэтому его книга — «ложь, выдаваемая за научное исследование, перепевы книги Г. Чулкова, вышедшей в 1939 году и прошедшей мимо нашей критики»; она причиняет «вред советской литературной науке и делу социалистического воспитания читателя», См.: [Альтман, 1948, с. 183–184]. Вторая прижизненная монография Долинина, включившая исследования 1930–1940-х годов, в том числе дополненную и переработанную книгу о «Подростке» 1947 года, появилась лишь в годы «оттепели», см.: [Долинин, 1963].

Обобщая результаты советских и эмигрантских ученых 1920–1940-х годов в изучении поэтики «Подростка», отметим

¹⁷ Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», инициированное в 1946 году начальником Управления агитации и пропаганды Политбюро ЦК А.А. Ждановым, выступившим за укрепление позиций социалистического реализма в советской культуре и осудившим как идейно чуждое творчество А.А. Ахматовой, М.М. Зощенко и др. Практически все русские символисты, в том числе Мережковский и Иванов, были причислены Ждановым к реакционерам, «мракобесам» и «ренегатам».

основные исследованные ими вопросы: идейно-художественная преемственность романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы», связанная с развитием замысла «Жития великого грешника» (Гроссман, Комарович, Бахтин, Плетнев, Бем, Мочульский, Чулков, Долинин), творческий метод Достоевского в романе «Подросток» (Дурылин, Долинин), творческая история романа (Гроссман, Комарович, Бем, Мочульский, Чулков, Долинин), тип романа (Комарович, Энгельгардт, Бахтин, Бицилли), сюжетно-композиционные особенности и нарративные стратегии (Комарович, Давидович, Бем, Мочульский, Чулков, Долинин), мотивы и символы (Анциферов, Иванов-Разумник, Комарович, Дурылин, Долинин), типология и характерология персонажей, в том числе грибоедовско-пушкинские реминисценции, художественная полемика с Толстым и «двойничество» (Энгельгардт, Аскольдов, Иванов-Разумник, Бахтин, Лапшин, Плетнев, Бем, Мочульский, Чулков), прототипы персонажей (Лапшин, Мочульский, Долинин), речевой стиль (Гроссман, Бахтин, Бицилли).

Заключение

Заканчивая обзор и анализ рецепции романа Достоевского «Подросток» русскими авторами в первой половине XX века, подведем краткие итоги. Мы установили, что в указанный период историю восприятия этого произведения можно разделить на два больших, качественно отличных друг от друга периода: Серебряный век и 1920–1940-е годы. Особенность первого — открытие Достоевского как философа и религиозного мыслителя, второго — как большого оригинального художника. Поэтому в первом периоде преобладали «идейные» и «духовные» интерпретации «Подростка», во втором — научные исследования поэтики этого романа. Время 1920–1940-х годов отличается большим разнообразием сфер изучения по сравнению с Серебряным веком; мы выделили основные: биографику, психоанализ и поэтику, — развитие которых рассмотрели в хронологической последовательности. Важно отметить, что, в силу специально оговоренных причин, мы не стали полностью разграничивать исследователей советских и эмигрантских, хотя по ходу анализа подчеркивали различие условий, в которых они писали. Отдавая должное десяткам рассмотренных в настоящем обзоре работ с тонкими наблюдениями, интересными находками, важными открытиями, вершиной изучения «Подростка» в первой половине

XX века мы все же склонны считать большую аналитическую главу об этом романе в книге **К.В. Мочульского** «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947), объединившую в себе религиозно-философский и формально-эстетический подходы, впитавшую практически весь исследовательский дискурс о романе по обе стороны границы СССР и давшую целостное представление о его проблематике и поэтике. При этом она свободна от следов идеологического давления, которое в 1930–1940-е годы испытывали советские ученые.

На родине книга Мочульского стала известна только в 1995 году. Тем не менее благодаря смягчению идеологического климата в годы «оттепели» (с середины 1950-х годов) изучение творчества Достоевского, в том числе романа «Подросток», обрело в СССР новое дыхание и во второй половине XX века обогатилось ценными исследованиями, подробнее см.: [Викторович, Щенников, 2008, с. 138–139, 145–146]. Но это уже тема другого обзора.

Список литературы

1. Альтман, 1948 — *Альтман И.* Грубая фальсификация // Знамя. 1948. № 3. С. 179–184.
2. Анциферов, 1991 — *Анциферов Н.П.* «Непостижимый город...». СПб.: Лениздат, 1991. 335 с.
3. Аскольдов, 1924 — *Аскольдов С.А.* Психология характеров у Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 5–27.
4. Бахтин, 2000 — *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. 800 с.
5. Бережков, 1928 — *Бережков Ф.Ф.* Достоевский на Западе (1916–1928) // Достоевский. Сб. статей. М.: ГАХН, 1928. С. 277–326.
6. Бицилли, 1996 — *Бицилли П.М.* К вопросу о внутренней форме романа Достоевского // *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 483–549.
7. Богданова, 2014 — *Богданова О.А.* Эстетические идеи Б. Христиансена и российская наука о Достоевском в 1910–1920-е гг. (М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович, Ю.А. Никольский) // Новый филологический вестник. 2014. № 4 (31). С. 21–33.
8. Богданова, 2015 — *Богданова О.А.* Достоевский в немецких издательских проектах первой половины XX века («Пипер-ферлаг») // Русская литература в зеркалах мировой культуры. Рецепция. Переводы. Интерпретация / под ред. А.Б. Куделина, В.В. Полонского, М.Ф. Надъярных. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 800–848.
9. Богданова, 2016 — *Богданова О.А.* О происхождении литературоведческого понятия «полифония» // Стефанос. 2016. № 3 (17). Май. С. 220–226.
10. Богданова, 2019 — *Богданова О.А.* Исследователи Достоевского в СССР 1920–1930-х гг.: научное сообщество vs лиминальная группа // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50). С. 283–294.
11. Богданова, 2021 — *Богданова О.А.* Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1900–1940-х гг.: религиозно-философское осмысление, биографика, психоанализ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3. С. 157–195.

12. Бродский, 1922 — *Бродский Н.Л.* Угасший замысел. «Житие великого грешника» (План романа) // Документы по истории литературы и общественности. М.: Центрархив РСФСР, 1922. Вып. 1. Ф.М. Достоевский / подгот. к изданию Н.Л. Бродского. С. 63–77.
13. Викторovich, Щенников, 2008 — *Викторovich В.А., Щенников Г.К.* «Подросток» // Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 132–146.
14. Гроссман, 1919 — *Гроссман Л.П.* Библиотека Достоевского по неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса: А.А. Ивасенко, 1919. 167 с.
15. Гроссман, 1922 — *Гроссман Л.П.* Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1922. 120 с.
16. Давидович, 1924 — *Давидович М.Г.* Проблема занимательности в романах Достоевского // Творческий путь Достоевского: Сб. статей / под ред. Н.Л. Бродского. Л.: Сеятель, 1924. С. 104–130.
17. Документы, 1922 — Документы по истории литературы и общественности. М.: Изд. Центрархива <РСФСР>, 1922. Вып. I: Ф.М. Достоевский. 79 с.
18. Долинин, 1947 — *Долинин А.С.* В творческой лаборатории Достоевского (История создания романа «Подросток»). М.; Л.: Советский писатель, 1947. 174 с.
19. Долинин, 1963 — *Долинин А.С.* Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Советский писатель, 1963. 344 с.
20. Достоевский, 1926–1930 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. худож. произв.: в 13 т. / под ред. Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926–1930.
21. Достоевский, 1928, — *Достоевский Ф.М.* Письма. I. 1832–1867 / под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ, 1928. 590 с.
22. Достоевский, 1957 — *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 8. 660 с.
23. Дурьлин, 1928 — *Дурьлин С.Н.* Об одном символе у Достоевского: Опыт тематического обзора // Достоевский. <Сб. статей.> М.: ГАХН, 1928. С. 163–198.
24. Иванов-Разумник, 1923 — *Иванов-Разумник Р.В.* Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг.: Колос, 1923. 248 с.
25. Комарович, 1922а — *Комарович В.Л.* Рукописные варианты романа «Подросток» // Начала. Пг., 1922. Кн. 2. С. 217–230.
26. Комарович, 1922б — *Комарович В.Л.* Ненаписанная поэма Достоевского // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы. <Сб. I.> / под ред. А.С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 177–207.
27. Комарович, 2001 — *Комарович В.Л.* Новые проблемы изучения Достоевского: 1925–1930. Часть 2 (фрагмент) // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие Бахтина в контексте русской культуры: в 2 т. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 1. С. 202–209.
28. Комарович, 2018 — *Комарович В.Л.* «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском / сост., отв. ред. и автор вступит. статьи О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 927 с.
29. Кристева, 2002 — *Кристева Ю.* Разрушение поэтики // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: в 2 т. СПб.: РХГИ, 2002. Т. 2. С. 7–32.
30. Литературное наследство, 1937 — Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. Т. 29–30: Русская культура и Франция. I. 764 с.
31. Литературное наследство, 1965 — Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 77: Ф.М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. 520 с.

32. Магидова, 2003 — *Магидова М.* Материалы к истории литературных контактов А.Л. Бема 1920-х гг. (Письма А.С. Долинина и Т.А. Крюковой) // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2003. Вып. 19. С. 241–261.
33. Магомедова, 2008 — *Магомедова Д.М.* Полифония // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагинной — Intrada, 2008. С. 174–176.
34. Мочульский, 1995 — *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество // *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–562.
35. О Достоевском, 2007 — О Достоевском. Сб. статей / под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929/1933/1936. М.: Русский путь, 2007. 576 с.
36. Описание, 1957 — Описание рукописей Ф.М. Достоевского / под ред. В.С. Нечаевой. М.: АН СССР, 1957. 590 с.
37. Пиксанов, 1923 — *Пиксанов Н.К.* Новый путь литературной науки (Принципы и методы) // Искусство. 1923. № 1. С. 94–113.
38. Пономарева, 2018 — *Пономарева Г.Б.* Достоевский: Я занимаюсь этой тайной. Изд. 2-е. М.: Русский Мир, 2016, 2018. 448 с.
39. Садаёси, 1988 — *Садаёси И.* Иванов — Пумпянский — Бахтин // Comparative and contrastive studies in Slavic languages and literatures. Japanese contributions to the Tenth International Congress of Slavists. Tokyo, 1988. С. 81–91.
40. Творчество, 1921 — Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: Сб. статей и материалов / под ред. Л.П. Гроссмана. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921. 152 с.
41. Фридлиндер, 1994 — *Фридлиндер Г.М.* Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 132–145.
42. Христиансен, 1911 — *Христиансен Б.* Философия искусства / пер. с нем. Г.П. Федотова; под ред. Е.В. Аничкова. СПб.: Шиповник, 1911. 289 с.
43. Чулков, 1939 — *Чулков Г.И.* Как работал Достоевский. М.: Советский писатель, 1939. 340 с.
44. Энгельгардт, 1924 — *Энгельгардт Б.М.* Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А.С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 71–105.
45. Handschrifte, 1926 — Handschrifte, Aufzeichnungen, Varianten und Briefe zu den Roman "Der Jungling" / Erläutert von *W. Komarowitsch* // Der unbekannte Dostojewski. München: R. Piper, 1926. S. 445–536.

References

1. Al'tman, I. "Grubaia fal'sifikatsia" ["Gross Falsification"]. *Znamia*, no. 3, 1948, pp. 179–184. (In Russ.)
2. Antsiferov, N.P. "*Nepostizhimyi gorod...*" ["Incomprehensible City..."]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1991. 335 p. (In Russ.)
3. Askol'dov, S.A. "Psikhologija kharakterov u Dostoevskogo" ["The Psychology of Characters in Dostoevsky"]. *F.M. Dostoevskii. Sta'i i materialy* [F.M. Dostoevsky. Articles and Materials], ed. by A.S. Dolinin, issue 2, Leningrad; Moscow, Mysl' Publ., 1924, pp. 5–27. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [Collected Works: in 7 vols], vol. 2. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000. 800 p. (In Russ.)

5. Berezkhov, F.F. “Dostoevskii na Zapade (1916-1928)” [“Dostoevsky in the West (1916-1928)”]. *Dostoevskii. Sbornik statei* [Dostoevsky. Collected Articles], Moscow, GAKhN Publ., 1928, pp. 277–326. (In Russ.)
6. Bitsilli, P.M. “K voprosu o vnutrennei forme romana Dostoevskogo” [“On the Question of the Inner Form of Dostoevsky’s Novel”]. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology], Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 483–549. (In Russ.)
7. Bogdanova, O.A. “Esteticheskie idei B. Khristiansena i rossiiskaia nauka o Dostoevskom v 1910-1920-e gg. (M.M. Bakhtin, B.M. Engel’gardt, V.L. Komarovich, Iu.A. Nikol’skii)” [“Aesthetic Ideas of B. Christiansen and the Russian Research on Dostoevsky in the 1910s-1920s (M.M. Bakhtin, B.M. Engelhardt, V.L. Komarovich, Yu.A. Nikolsky)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (31), 2014, pp. 21–33. (In Russ.)
8. Bogdanova, O.A. “Dostoevskii v nemetskikh izdatel’skikh proektakh pervoi poloviny XX veka (‘Piper-ferlag’)” [“Dostoevsky in German Publishing Projects of the First Half of the 20th Century (‘Piper-verlag’)”]. *Russkaia literatura v zerkalakh mirovoi kul’tury. Retseptsiiia. Perevody. Interpretatsiia* [Russian Literature in the Mirrors of World Culture. Reception. Translations. Interpretation], ed. by A.B. Kudelin, V.V. Polonsky, M.F. Nadiamykh, Moscow, IWL RAS, 2015, pp. 800–848. (In Russ.)
9. Bogdanova, O.A. “O proiskhozhdenii literaturovedcheskogo poniatiiia ‘polifoniia” [“On the Origin of the Literary Concept ‘Polyphony”]. *Stefanos*, no. 3 (17), 2016, May, pp. 220–226. (In Russ.)
10. Bogdanova, O.A. “Issledovateli Dostoevskogo v SSSR 1920-1930-kh gg.: nauchnoe soobshchestvo vs liminal’naia gruppya” [“Dostoevsky’s Researchers in USSR of 1920-1930: Scientific Community vs Liminal Group”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (50), 2019, pp. 283–294. (In Russ.)
11. Bogdanova, O.A. “Retseptsiiia romana F.M. Dostoevskogo ‘Podrostok’ v issledovaniakh russkikh avtorov 1900–1940-kh gg.: religiozno-filosofskoe osmyslenie, biografika, psikoanaliz” [“The Reception of Dostoevsky’s Novel *The Adolescent* in the Studies of Russian Authors in 1900s–1940s: Religious and Philosophical Understanding, Biography, Psychoanalysis”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (15), 2021, pp. 157–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-3-157-195>
12. Brodskii, N.L. “Ugasshii zamysel. ‘Zhitie velikogo greshnika’ (Plan romana)” [“A Faded Intent. ‘The Life of a Great Sinner’ (Plan for a Novel)”]. *Dokumenty po istorii literatury i obshchestvennosti. Vyp. 1. F.M. Dostoevskii* [Documents on the History of Literature and Society. Issue 1. F.M. Dostoevsky], prepared for publication by N.L. Brodsky, Moscow, Tsentrarkhiv RSFSR Publ., 1922, pp. 63–77. (In Russ.)
13. Viktorovich, V.A., and Shchennikov, G.K. “Podrostok” [“*The Adolescent*”]. *Dostoevskii: Sochineniia, pis’ma, dokumenty. Slovar’-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents. Reference Dictionary], ed. by G.K. Shchennikov, B.N. Tikhomirov, St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 132–146. (In Russ.)
14. Grossman, L.P. *Biblioteka Dostoevskogo po neizdannym materialam. S prilozheniem kataloga biblioteki Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Library of Unpublished Materials. With the Application of the Dostoevsky Library Catalog]. Odessa, A.A. Ivasenko Publ., 1919. 167 p. (In Russ.)
15. Grossman, L.P. *Seminarii po Dostoevskomu. Materialy, bibliografiia i kommentarii* [Seminaries on Dostoevsky. Materials, Bibliography, and Commentary]. Moscow; Petrograd, State Publishing House, 1922. 120 p. (In Russ.)
16. Davidovich, M.G. “Problema zanimatel’nosti v romanakh Dostoevskogo” [“The Problem of Occupation in Dostoevsky’s Novels”]. *Tvorcheskii put’ Dostoevskogo: sbornik statei* [Dostoevsky’s Creative Path: Collected Articles], ed. by N.L. Brodsky, Leningrad, Seiatel’ Publ., 1924, pp. 104–130. (In Russ.)
17. *Dokumenty po istorii literatury i obshchestvennosti. Vyp. 1. F.M. Dostoevskii* [Documents on the History of Literature and Society. Issue 1. F.M. Dostoevsky]. Moscow, Tsentrarkhiv RSFSR Publ., 1922. 79 p. (In Russ.)

18. Dolinin, A.S. *V tvorcheskoi laboratorii Dostoevskogo (Istoriia sozdaniia romana "Podrostok")* [*In Dostoevsky's Creative Laboratory (The History of the Creation of the Novel The Adolescent)*]. Moscow; Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1947. 174 p. (In Russ.)
19. Dolinin, A.S. *Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ia Karamazovy"* [*Dostoevsky's Last Novels. How The Adolescent and The Brothers Karamazov Were Created*]. Moscow; Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 344 p. (In Russ.)
20. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedenii: v 13 tomakh* [*Complete Works of Fiction: in 13 vols*]. Ed. by B.V. Tomashevsky and K.I. Khalabaev. Moscow; Leningrad, State Publishing House, 1926–1930. (In Russ.)
21. Dostoevskii, F.M. *Pis'ma* [*Letters*]. Ed. and comm. by A.S. Dolinin, Moscow; Leningrad, GIZ Publ., 1928. 590 p. (In Russ.)
22. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Collected Works: in 10 vols*], vol. 8. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. 660 p. (In Russ.)
23. Durylin, S.N. "Ob odnom simvole u Dostoevskogo: Opyt tematicheskogo obzora" ["About One Symbol in Dostoevsky: A Thematic Review"]. *Dostoevskii. Sbornik statei* [*Dostoevsky. Collected Articles*], Moscow, GAKhN Publ., 1928, pp. 163–198. (In Russ.)
24. Ivanov-Razumnik, R.V. *Vershiny. Aleksandr Blok. Andrei Belyi* [*Pinnacles. Alexander Blok. Andrey Belyi*]. Petrograd, Kolos Publ., 1923. 248 p. (In Russ.)
25. Komarovich, V.L. "Rukopisnye varianty romana 'Podrostok'" ["Handwritten Versions of the Novel *The Adolescent*"]. *Nachala* [*Beginnings*], book 2, Petrograd, 1922, pp. 217–230. (In Russ.)
26. Komarovich, V.L. "Nenapisannaiia poema Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Unwritten Poem"]. *F.M. Dostoevskii: Stat'i i materialy. Sbornik I* [*F.M. Dostoevsky: Articles and Materials. Issue I*], ed. by A.S. Dolinin, Petesburg, Mysl' Publ., 1922, pp. 177–207. (In Russ.)
27. Komarovich, V.L. "Novye problemy izucheniia Dostoevskogo: 1925–1930. Chast' 2 (fragment)" ["New Problems in Dostoevsky's Studies: 1925–1930. Part 2 (Fragment)"]. *Mikhail Bakhtin: pro et contra. Tvorchestvo i nasledie Bakhtina v kontekste russkoi kul'tury* [*Mikhail Bakhtin: Pro et Contra. Bakhtin's Creativity and Heritage in the Context of Russian Culture*], vol. 1, St. Petersburg, RKHG Publ., 2001, pp. 202–209. (In Russ.)
28. Komarovich, V.L. "Ves' ustremlenie": *Stat'i i issledovaniia o F.M. Dostoevskom* ["*All Aspiration: Articles and Research about Fyodor Dostoevsky*"]. Ed. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 927 p. (In Russ.)
29. Kristeva, Iu. "Razrushenie poetiki" ["The Destruction of Poetics"]. *Mikhail Bakhtin: pro et contra. Tvorchestvo i nasledie Bakhtina v kontekste russkoi kul'tury* [*Mikhail Bakhtin: Pro et Contra. Bakhtin's Creativity and Heritage in the Context of Russian Culture*], vol. 2, St. Petersburg, RKHG Publ., 2002, pp. 7–32. (In Russ.)
30. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 29–30: Russkaia kul'tura i Frantsiia. I [Russian Culture and France. I]. Moscow, Zhur.-gaz. ob'edinenie Publ., 1937. 764 p. (In Russ.)
31. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 77: F.M. Dostoevskii v rabote nad romanom "Podrostok". Tvorcheskie rukopisi [F.M. Dostoevsky at Work on the Novel *The Adolescent*. Creative Manuscripts]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 520 p. (In Russ.)
32. Magidova, M. "Materialy k istorii literaturnykh kontaktov A.L. Bema 1920-kh gg. (Pis'ma A.S. Dolinina i T.A. Kriukovoi)" ["Materials for a History of A.L. Bem's Literary Contacts in 1920s (Letters by A.S. Dolinin and T.A. Kryukova)"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 19, 2003, pp. 241–261. (In Russ.)

33. Magomedova, D.M. “Polifoniia” [“Polyphony”]. *Poetika. Slovar' aktual'nyh terminov i poniatii* [Poetics. Dictionary of Current Terms and Concepts], ed. by N.D. Tamarchenko, Moscow, Izd-vo Kulaginoy–Intrada Publ., 2008, pp. 174–176. (In Russ.)
34. Mochul'skii, K.V. “Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo” [“Dostoevsky. Life and Works”]. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky], Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 219–562. (In Russ.)
35. O Dostoevskom. *Sbornik statei pod redaktsiei A.L. Bema. Praga, 1929/1933/1936* [About Dostoevsky. Collected Articles, Edited by A.L. Bem. Prague, 1929/1933/1936]. Moscow, Russkii put' Publ., 2007. 576 p. (In Russ.)
36. Nechaeva, Vs., editor. *Opisanie rukopisei F.M. Dostoevskogo* [Description of F.M. Dostoevsky's Manuscripts], Moscow, AN SSSR Publ., 1957. 590 p. (In Russ.)
37. Piskanov, N.K. “Novyi put' literaturnoi nauki (Printsiipy i metody)” [“The New Way of Literary Studies (Principles and Methods)”]. *Iskusstvo*, no. 1, 1923, pp. 94–113. (In Russ.)
38. Ponomareva, G.B. *Dostoevskii: Ia zanimaius' etoi tainoi* [Dostoevsky: I Study This Mystery]. 2nd Edition. Moscow, Russkii Mir Publ., 2016, 2018. 448 p. (In Russ.)
39. Sadaesi, I. “Ivanov – Pumpianskii – Bakhtin” [“Ivanov – Pumpyansky – Bakhtin”]. *Comparative and contrastive studies in Slavic languages and literatures. Japanese contributions to the Tenth International Congress of Slavists*, Tokyo, 1988, pp. 81–91. (In Russ.)
40. Grossman, L.P., editor. *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1821–1881–1921: Sb. statei i materialov* [Dostoevsky's Works. 1821–1881–1921: Collected Articles and Materials], Odessa, Vseukr. gos. izd-vo Publ., 1921. 152 p. (In Russ.)
41. Fridlender, G.M. “Dostoevskii i Viacheslav Ivanov” [“Dostoevsky and Vyacheslav Ivanov”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and Research], vol. 11, St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 132–145. (In Russ.)
42. Khristiansen, B. *Filosofia iskusstva* [Philosophy of Art]. Trans. from German by G.P. Fedotov; ed. by E.V. Anichkov. St. Petersburg, Shipovnik Publ., 1911. 289 p. (In Russ.)
43. Chul'kov, G.I. *Kak rabotal Dostoevskii* [How Dostoevsky Worked]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1939. 340 p. (In Russ.)
44. Engel'gardt, B.M. “Ideologicheskii roman Dostoevskogo” [“Dostoevsky's Ideological Novel”]. *F.M. Dostoevskii. Stat'i i materialy* [F.M. Dostoevsky. Articles and Materials], ed. by A.S. Dolinin, Issue 2, Leningrad; Moscow, Mysl' Publ., 1924, pp. 71–105. (In Russ.)
45. “Handschrifte, Aufzeichnungen, Varianten und Briefe zu den Roman 'Der Jungling'. Erläutert von W. Komarowitsch”. *Der unbekannte Dostojewski*, München, R. Piper, 1926, pp. 445–536. (In German)

Статья поступила в редакцию 02.08.2021
Одобрена после рецензирования 22.08.2021
Принята к публикации 25.08.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted 02 Aug. 2021
Approved after reviewing 22 Aug. 2021
Accepted for publication 25 Aug. 2021
Date of publication: 25 Dec. 2021